
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Студентки Московского нефтяного института имени академика И. М. Губкина готовятся к вечеру самодеятельности. У рояля сидят Марика Дароци (из Венгрии), Вера Копецка (из Чехословакии), Иванка Апостолова (из Болгарии); во втором ряду: Ли Лянь-сянь (из Китая), Елена Мэрэчине (из Румынии), Марика Вешеи (из Венгрии) и Наталья Манчева (СССР).

Фото Галины Санько.

На первой странице обложки: Помощник мастера Купавинской тонкосуконной фабрики делегат XX съезда КПСС Мария Рожнева.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Чемпионка мира 1956 года по скоростному бегу на коньках Софья Кондакова.

Фото А. Бочинина.

ОГОНЁК № 10 (1499) 4 МАРТА 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

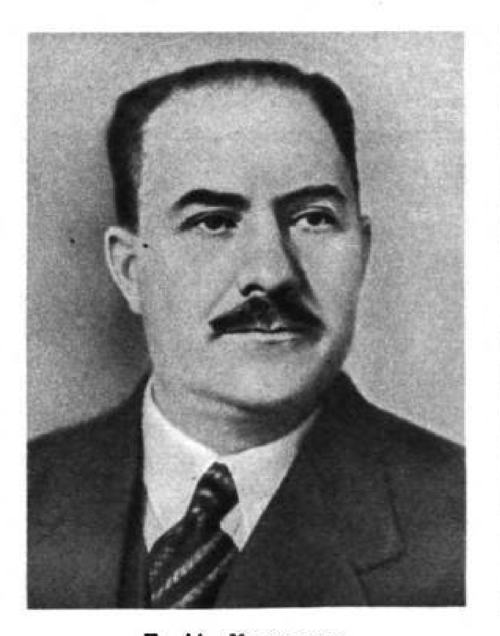
25 февраля закончил свою работу XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Единодушно, в обстановке большого политического подъема съезд принял решение: целиком и полностью одобрить политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС, одобрить предложения и выводы Центрального Комитета, содержащиеся в его отчетном докладе.

Президиум Центрального

Н. А. Булганин.

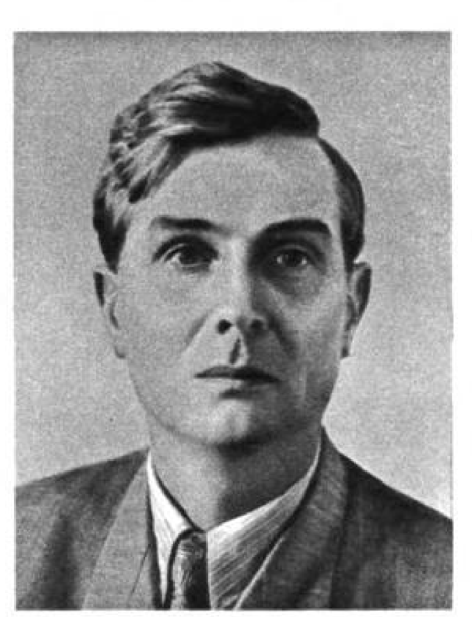

К. Е. Ворошилов.

Л. М. Каганович.

А. И. Кириченко.

М. Г. Первухин.

М. З. Сабуров.

М. А. Суслов.

Н. С. Хрущев.

★ ★ ★

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

27 февраля 1956 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС, избранного XX съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС в следующем составе:

Члены Президиума: т.т. Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Каганович Л. М., Кириченко А. И., Маленков Г. М., Микоян А. И., Молотов В. М., Первухин М. Г., Сабуров М. З., Суслов М. А., Хрущев Н. С.;

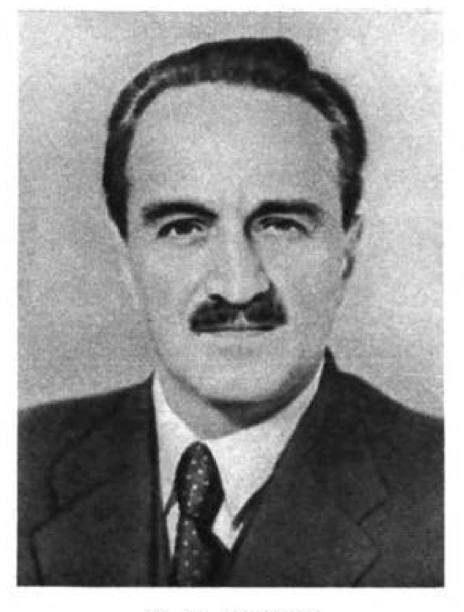
Кандидаты в члены Президиума: т.т. Жуков Г. К., Брежнев Л. И., Мухитдинов Н. А., Шепилов Д. Т., Фурцева Е. А., Шверник Н. М.

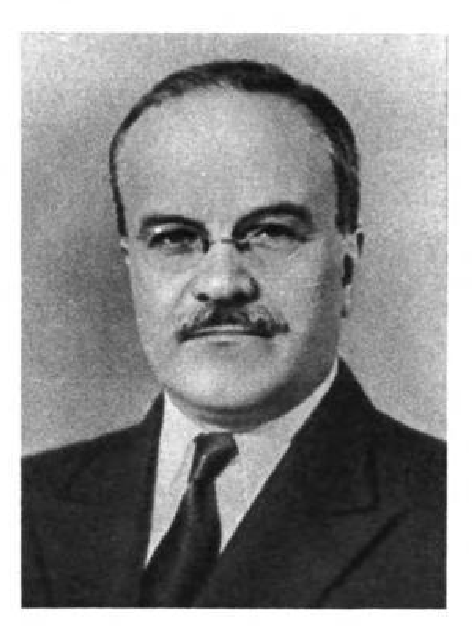
Пленум избрал СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС в следующем составе: т.т. Хрущев Н. С. — Первый секретарь ЦК КПСС, Аристов А. Б., Беляев Н. И., Брежнев Л. И., Поспелов П. Н., Суслов М. А., Фурцева Е. А., Шепилов Д. Т.

Пленум избрал председателем КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС т. Шверника Н. М., заместителем председателя Комитета Партийного Контроля — т. Комарова П. Т.

Комитета КПСС

Г. М. Маленков.

А. И. Микоян.

В. М. Молотов.

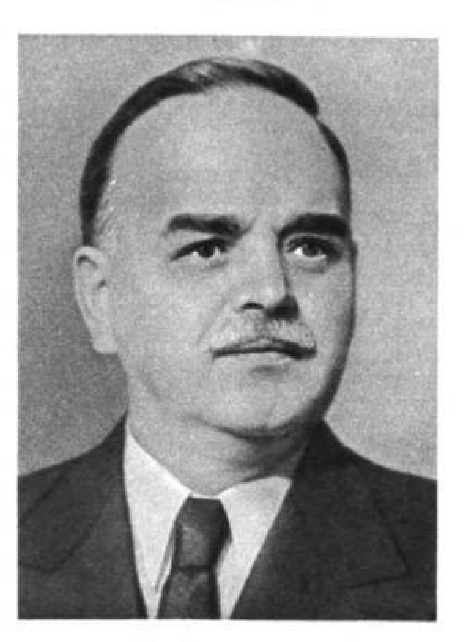

Г. К. Жуков.

Л. И. Брежнев.

Н. А. Мухитдинов.

Д. Т. Шепилов.

Е. А. Фурцева.

Н. М. Шверник.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

27 февраля 1956 года состоялось заседание Центральной Ревизионной Комиссии Коммунистической партии Советского Союза.

Центральная Ревизионная Комиссия избрала председателем Комиссии т. Москатова П. Г.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ!

— Мы все стоим горой за партию!

Так начал свое выступление на митинге, посвященном XX съезду КПСС, забойщик Кемеровской шахты товарищ Гаврилюк. Взволнованные слова, идущие от самого сердца рабочего человека, полные любви к Коммунистической партии, доносятся в нынешние дни со всех концов страны. Советские люди, сотни миллионов тружеников Китая, стран народной демократии единодушно одобряют решения XX съезда КПСС.

В постановлениях съезда, принятых по отчетному докладу товарища Н. С. Хрущева о работе ЦК КПСС, по докладу товарища П. Г. Москатова о работе Центральной Ревизионной Комиссии, по докладу товарища Н. А. Булганина о Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, и в постановлениях о подготовке новой программы партии и о частичных изменениях в Уставе КПСС — во всех этих документах мы видим правду нашей жизни. В решениях съезда — программа дальнейшей борьбы за построение коммунизма, за упрочение мира во всем мире, за торжество идей марксизма-ленинизма.

Светом этих идей озарены дела, свершенные в последние годы героическим трудом нашего народа, его успехи в хозяйственном и культурном развитии. Светом ленинских идей озарен наш путь вперед. Мы живем в то счастливое время, когда социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Тем более важен для советских людей, его зарубежных друзей тот марксистско-ленинский анализ современного международного положения, дальнейших перспектив мирового развития, анализ, которым вооружил нас XX съезд партии.

Светом ленинских идей озарены Директивы съезда по шестой пятилетке, в которых каждая строка, каждая цифра выражает интересы народа. И у нас нет сомнений в том, что новые большие задачи будут выполнены, ибо нас ведет партия коммунистов во главе со своим боевым штабом — ленинским ЦК. Его деятельность, как это подчеркнул съезд, потому и была успешной, что она основывалась на творческом применении марксистско-ленинского учения, строжайшем соблюдении ленинских принципов коллективного руководства и внутрипартийной демократии, неуклонном выполнении ленинских указаний о неразрывной связи партии с народом.

Съезд избрал ЦК КПСС и Центральную Ревизионную Комиссию. В эти дни советские люди на митингах, собраниях вновь и вновь выражают свою преданность партии, ее ленинскому Центральному Комитету. И каждый из нас, перечитывая решения XX съезда партии, уже зримо видит широкие горизонты на пути к коммунизму. Какие это неоглядные, манящие горизонты! Мы идем им навстречу уверенно, плечом к плечу, рука об руку, ведомые партией, осененные знаменем Ленина.

ДЕЛЕГАТЫ БРАТСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ НА ТРИБУНЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Х. БАГДАШ
(Компартия Сирии и Ливана).

Х. ХАГБЕРГ
(Компартия Швеции).

Э. БЮРНЕЛЬ
(Компартия Бельгии).

А. ЛАРСЕН
(Компартия Дании).

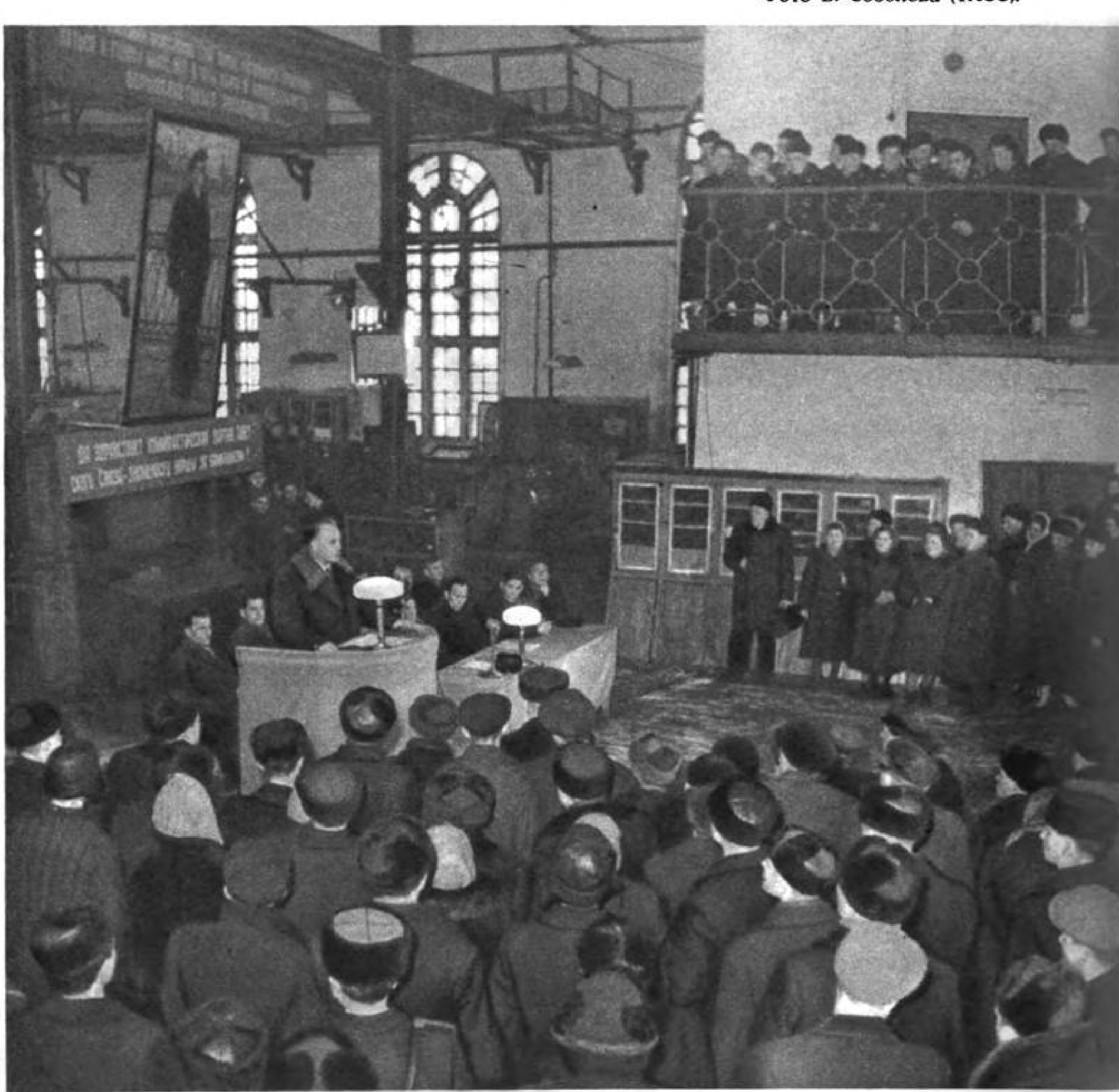
А. ГХОШ
(Компартия Индии).

В день окончания XX съезда КПСС на Первом государственном подшипниковом заводе состоялся митинг, на котором присутствовали представители Компартии Китая. Перед рабочими и служащими завода выступил член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая товарищ Чжу Дэ. На снимке: Чжу Дэ осматривает один из цехов завода.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Митинг в паровозном депо Москва-пассажирская Московско-Рязанской железной дороги, посвященный окончанию работы XX съезда КПСС. Выступает делегат съезда начальник дороги В. А. Меркулов.

ДЕЛЕГАТЫ БРАТСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ НА ТРИБУНЕ XX СЪЕЗДА КПСС →

Фото Дм. Бальтерманца.

На митинге работников Московского автозавода, посвященном итогам XX съезда КПСС, выступил генеральный секретарь Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии товарищ Пальмиро Тольятти.

Фото Б. Кузьмина.

Фото Я. Рюмкина.

Э. ЛЕВЛИЕН
(Компартия Норвегии).

Д. УРБАНИ
(Компартия Люксембурга).

Д. ЭНСИНА
(Компартия Мексики).

ТИМ БАК
(Рабочая прогрессивная партия Канады).

Р. АРИСМЕНДИ
(Компартия Уругвая).

АЛИ ЯТА
(Марокканская компартия).

С. МИКУНИС
(Компартия Израиля).

Э. ХИЛЛ
(Компартия Австралии).

Э. ВООГ
(Швейцарская партия труда).

Э. ТОРБЬЯРНАРССОН
(Единая социалистическая партия Исландии).

П. де ГРООТ
(Компартия Нидерландов).

М. ЭННАФАА
(Тунисская компартия).

КУПАВНА, КРЕМЛЬ—ОДНО СЕРДЦЕ

Мария Рожнева в дни съезда приехала на фабрику. В цехе ее обступили подруги.
Фото Я. Рюмкина.

Морозы еще не сдали, но, как говорят в народе, цыган шубу уже продал,— февральское солнце разорвало дымку морозной мглы, заиграло, заискрилось, первым ласковым лучом коснулось стекол цехов, лиц ткачих и прядильщиц, сукновалов и обметальщиц машин.

В чистом воздухе, пронизанном сиянием света, далеко над фабрикой и упрятанными меж сугробами домиками рабочего поселка мощный репродуктор разносит голос московского радио.

Те, кто возвращается со смены, или те, кто еще готовится встать на трудовую вахту, замедляют шаги, прислушиваются.

В эти дни, когда спокойный голос диктора берет за сердце, каждый думает о том, что вчера вечером или сегодня утром было сказано в Кремле, там, где собрался цвет советского народа, цвет ленинской партии.

Присучаешь нитку на прядильной машине или обходишь станки в ткацком цехе, а мысли одни: съезд, партия, Владимир Ильич в живых делах и заботах Центрального Комитета.

Никита Сергеевич Хрущев сказал о высокой горе, с которой открываются глазу широкие горизонты на пути к конечной цели — коммунистическому обществу. Страна поднялась на эту вершину. Но если оглянуться назад, на пройденное, то есть о чем вспомнить с глубоким душевным волнением.

Отсюда, из этих коренных гнезд текстильного Подмосковья, из соседнего с Купавной Глухова, осенью двадцать третьего года поехала рабочая делегация к больному Ленину.

Говорят, в Горках, у окон ленинского дома, расцветают каждой весной белорозовые владимирские вишни, те самые, что развились из хрупких, нежных саженцев, привезенных тогда текстильщиками в подарок Ильичу. И сколь ни лютуют морозы, ни обжигают весенние заморозки, ничто не берет цветочные почки и первую завязь плодов...

Ветераны Глуховской и Купавинской фабрик помнят, как приветливо встретил делегатов Ленин. Сняв левой, здоровой рукой кепку, он переложил ее в правую и поздоровался с рабочими. И один из них, потрясенный встречей, обнимая Ильича, сквозь слезы сказал:

— Выздоравливай скорее, Владимир Ильич... Мы скуем все, намеченное тобой.

Не пустые были это слова. Миллионы рук трудового люда выковали из России нэповской Россию социалистическую.

На Глуховке Любовь Ивановна Ананьева первая из прядильщиц страны взялась обслуживать большее количество веретен, потребовав только, чтобы инженеры помогли ей отрегулировать машины и повысить число оборотов цилиндра. Не это ли завещал Ленин, призвав каждого работника промышленности искать и находить способы, как увеличить производительность труда?

А Купавна на всю страну кинула призыв к строгой бережливости в расходовании сырья: «Каждый грамм шерсти — в пряжу, всю пряжу — в нити, все нити — в ткань!» Чтобы ничего не пропадало... И снова это было творчество, оплодотворенное идеями Ленина, сказавшего, что коммунизм начинается с заботы рядовых рабочих об охране каждого пуда хлеба, угля, железа.

Молоденькая девушка начала на Купавне движение, охватившее вскоре десятки и сотни предприятий, движение за то, чтобы из сэкономленного сырья выпускать товары сверх плана. Одна из тех незаметных, застенчивых, в ватниках и платках, еще пугавшихся грохота станков, что по вербовке приехали за сотни верст на старейшую русскую текстильную фабрику в год победы над гитлеровским фашизмом; молодые силы вливались в обескровленные войной цехи подмосковных предприятий.

Маша Рожнева из уральского села Сылва... Никаких знаний и умения у нее не было, а только крепкие руки, с малых лет привыкшие к топорищу колуна, метле и тряпке, да чуткое сердце девочки из трудовой семьи. Потому и не пролетели мимо ушей Маши ворчливые слова пожилой работницы тети Наташи, которая собирала в цехе отходы ровницы: «Разбрасываетесь, топчете, а ведь это — золото... Сколько за смену угаров наберется! С каждой машины по горсти в час — вот тебе и мешок».

С этих слов тети Наташи все и началось. Зоркие, молодые глаза стали следить, чтобы ровница с катушек дорабатывалась до конца, чтобы на катушке оставляли только небольшой зачинок ровницы, а не длинные метры. Вчерашние ученицы ФЗО научились сменять катушки на ходу машины, чтобы не терять минуты на остановку агрегата, а инженеры придумали для этой цели специальные скамеечки и другие приспособления. Так пришла, выросла, окрепла большая рабочая слава, сделавшая имя Купавинской фабрики популярным не только в нашей стране, но и в Польше, Румынии, Венгрии, Китае — везде, где гудят веретена прядильных машин и стучат ткацкие станки.

Мария Рожнева побывала за рубежами Отчизны, научилась отвечать на сердечные приветствия друзей и на придирчивые вопросы недоброжелателей. Она написала книгу о трудовом почине своего коллектива. В конце января нынешнего года коммунисты Московской области избрали Марию Ивановну Рожневу, помощника мастера передового комплекта, неутомимого новатора производства и непримиримую к недостаткам общественницу, делегаткой на XX съезд партии.

...Вечером в комнате отдыха общежития собрались подруги Рожневой возле телевизора. На экране возникают беломраморные стены дворца. На знакомой всему миру трибуне мягко освещенный герб Советского Союза, в нише — фигура Ленина. Исторический съезд... И рядом с руководителями партии и правительства — кто это?.. Маша! Сидит серьезная, голову немного опустила, может, призадумалась: как там у меня в Купавне, как мои девочки выполняют план? Ой, Маша, Маша! Даже чуточку боязно за тебя, родная. Но мы не подведем, не тревожься. Оправдаем высокую честь, оказанную всему коллективу.

Назавтра, придя пораньше в цех, работницы Нина Колчина, Анна Дубовская, Эмма Сморчкова, Варвара Сухова придирчиво осматривают оборудование и все хозяйство комплекта. Участок на третьем этаже фабричного корпуса, где новые кольцепрядильные машины сменили устаревшие сельфакторы, сияет чистотой.

У новых машин производительность выше, но есть и серьезные дефекты. Рожнева говорила об этом на московской партийной конференции. Теперь один недостаток — чрезмерную обрывность нитей из-за негодных колец — машиностроители взялись устранить, но пусть подумают, как сделать, чтобы от пряжи не отлетало столько пуха. За смену, пожалуй, с десяток килограммов рассеивается в воздухе... Напишем опять инженерам, конструкторам. Может, отсос приспособят? Беречь надо каждую шерстинку!

Нынешней зимой были лютые морозы, пурга заносила дороги, не всегда своевременно подвозили к фабрике торф, случались перебои с подачей энергии, пара. Простои — потерянные дни, часы... Надо их воротить: план того требует. А как?..

...Гудят веретена, равномерно, словно вздымаемая дыханием богатырской груди, поднимается и опускается планка, под которой наматываются початки пряжи. Вместе с Машей еще на сельфакторах научились экономить секунды; для этого початки снимали гроздьями, по три сразу, и правой и левой рукой; для этого стремительно накидывали патроны на оголившиеся шпиндели веретен и сразу оса-

живали патроны. Что можно придумать теперь? Если бы добиться, чтобы початки получались более тугими, весомыми, плотными по намотке! Давно об этом толкуют в бригаде. Тогда появится возможность реже останавливать машину в течение смены. Сейчас початок весит сто восемьдесят граммов, а мы увеличим его вес до двухсот или даже до двухсот двадцати. Главный инженер говорит: вполне осуществимо.

С этими думами прядильщицы после гудка идут в фабричный клуб. Из всех цехов собрался сюда народ. Берет слово Семен Демидович Манылов. Он, секретарь партийного бюро, первым сказал Марии Рожневой и ткачихе Лидии Кононенко, когда те поделились с ним своим замыслом начать соревнование за экономию сырья: «Хорошее дело вы задумали, девушки!»

Хоть и знакомо уже из газет и радио то, о чем говорит Манылов, слушать интересно, радостно. Будущие дни словно ярким лучом озарила партия. Трудновато еще приходится нам, работающим женщинам: успевай и работать и учиться — на Купавне все учатся,— а дома ждут стирка, всякие мелкие хлопоты. Порой хоть разорвись... Как же от всего сердца не сказать спасибо партии за намеченное сокращение рабочего дня?! И за все другое. Это мы одобряем и приветствуем: чтобы жилые дома строились побыстрее и поудобнее, чтобы каждая работница могла при желании отдать ребенка в ясли, чтобы в столовых готовили вкуснее и дешевле и чтобы обеды отпускались без толкотни и очередей. А каждую минуту рабочего времени мы теперь станем использовать с утроенной пользой для государства.

— Товарищи! Есть предложение четыреста тысяч метров тканей дать сверх годового плана!

— Поддерживаем!

— Еще на пятнадцать процентов снизить отходы сырья!

— Принимаем!

Ни одна рука не осталась неподнятой. Теперь то, о чем вчера в цехе только лишь смутно думалось, мечталось, пора превращать в конкретные дела.

— Добавь, товарищ Манылов, к резолюции и нашу поправочку, от третьего комплекта второй смены: мы будем бороться за то, чтобы всю пряжу сдавать ткачам только в плотных, тугих, полноценных початках. И еще попросим инженеров модернизировать машины участка: нарастить к каждой дополнительные секции. Вместо ста десяти перейдем на обслуживание ста пятидесяти веретен каждой ватерщицей. Справимся!

...Так жила в эти великие дни Купавна. И хотя только один посланец Купавны находился в Кремле, чувствами, мыслями партийного съезда были пронизаны трудовые будни всех членов дружной фабричной семьи.

* * *

Поздний вечер.

На укутанные толстыми покрывалами снега поля вдоль шоссе Энтузиастов ложится слабый свет месяца.

Где-то рядом с шоссе, за лесочком, старая Владимирка — дорога, по которой давно уже никто не ездит,— та самая Владимирка, что в царские годы полита была слезами женщин, провожавших мужей, братьев, отцов, участников героической борьбы нашей партии против эксплуататорского строя, в далекую сибирскую ссылку. Заросла Владимирка, как сгинуло навеки и быльем поросло проклятое дореволюционное прошлое.

Бежит по шоссе машина, разрезая фарами ночь. Мария Рожнева вглядывается вдаль — не пропустить бы поворота вправо, столба со стрелкой: «Купавинская фабрика».

Вот и поселок. Еще горят огни в окнах фабричного управления, в партбюро.

— Здравствуй, Семен Демидович. Нет, съезд еще не закончился. Прямо с вечернего заседания сюда, а завтра рано утром опять в Кремль — у нас, делегатов, тоже строгая дисциплина.

Проходная, знакомая дорожка мимо доски с цифрами соревнования, скверика со статуями и замерзшим фонтаном. Цехи бессонно гудят, за стеклами разлито голубое сияние люминесцентных ламп. Крутая лестница с исшарканными железными ступенями. Пахнуло теплом, плеснуло в уши прибоем машинного гула.

— Маша, Маша!

Вот они, подруги, друзья, самые близкие, самые дорогие! И машины... Тянет стать рядом с ватерщицей, присучить нитку. Как с кольцами, наладилось? На съезде говорили: дать текстильщикам новую прядильную машину, с повышенными скоростями, с более мощным вытяжным аппаратом.

— Маша, а ты не испугалась, когда в президиум тебя попросили?

— Ой, девочки, чуть ноги не отнялись! Иду и ничего не вижу.

...Веретена не останавливают своего бега, с катушек не перестает спускаться толстая ровничная нить, чтобы превратиться в тонкую, но крепкую, добротную пряжу. И, не прекращая работы, перекрывая гул цеха, девушки торопливо делятся со своей старшей подругой всем, что они надумали за эти дни и что уже успели сделать.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

По приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в Москву прибыл бывший Президент Французской Республики господин Венсан Ориоль с супругой. За время пребывания в Советском Союзе гости из Франции ознакомятся с промышленными предприятиями, побывают в ряде городов страны.

На снимке: г-н Венсан Ориоль на приеме у К. Е. Ворошилова.

Фото А. Гостева.

Сумгаитский алюминий

Эмблема САЗ — Сумгаитский алюминиевый завод — появилась недавно, но ее уже знают на многих предприятиях: в разные концы страны идет алюминий Азербайджана. Без Мингечаурской ГЭС, посылающей сюда немалую часть своей энергии, не было бы Сумгаитского завода — первенца цветной металлургии Азербайджана. Новый завод расходует столько электроэнергии, сколько потребляет население двух таких городов, как Баку.

Работает сейчас завод на уральских бокситах. Но недалек день, когда он перейдет на местное сырье. В Заглике, недалеко от Кировабада, расположено месторождение алунитов.

На окраине Кировабада широко раскинулась строительная площадка. Здесь сооружается крупный глиноземный завод, который вступит в строй в шестой пятилетке. На глиноземе, получаемом из заглинских алунитов, будет работать не только Сумгаитский, но и другие алюминиевые заводы Закавказья и РСФСР.

Задолго до того, как Сумгаитский завод вступил в строй, многие его будущие инженеры, техники и рабочие были посланы на выучку к русским и украинским мастерам алюминия. Звеньевой-электролизник С. Нуриев, бывший колхозник из Ахсу, обучался на Урале. Теперь он в ряду передовиков.

В дни работы XX съезда КПСС отлично нес трудовую вахту коллектив молодого алюминиевого завода. Здесь нет бригады, которая не выполняла бы план.

А. КИКНАДЗЕ

Разливка алюминия по изложницам.

Фото С. Кулишова.

Горный трактор

Горный трактор на Грузинской машинно-испытательной станции.

Фото В. Джейранова.

Пользуясь теплой погодой, стоящей ныне за Кавказским хребтом, на Грузинской машинно-испытательной станции, у подножия Триалетских гор, заканчивается «экзамен» горного трактора «ДТ-57». Эта машина очень нужна тем республикам нашей страны, в которых преобладает горный рельеф.

Поднимая пласты тяжелых почв предгорья, машина «набирает высоту». Это ей позволяют делать новая ходовая часть, увеличивающая сцепление с землей, и широкие габариты. Если обычный трактор с прицепными орудиями не в силах взять подъем более 10—12 градусов, то новому трактору не страшен подъем и в 20 и в 25 градусов.

Для того, чтобы горному трактору не разворачиваться, его снабдили двумя специальными плугами-рыхлителями: передним и задним. Когда один плуг работает, другой приподнят над почвой.

Сталинградский тракторный завод скоро выпустит первую опытную партию таких тракторов.

И. МЕСХИ

26 февраля в Мехико состоялась торжественная церемония вручения международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся общественному деятелю бывшему президенту Мексики генералу Ласаро Карденасу

ЛАСАРО КАРДЕНАС

В центре Мексики, в живописном уголке штата Мичоакан, невдалеке от чудесного озера Патскуаро, живет самый популярный человек Мексики — Ласаро Карденас. Его усадьба носит название «Эрендира»; в переводе с языка древнего индейского племени тарасков, с которым Карденас связан кровными узами, это означает «Улыбающаяся юность». Здесь проводит большую часть года бывший президент Мексики. С тех пор, как Ласаро Карденас перестал быть президентом, прошло уже 15 лет, но слава его не померкла. Он остается «подлинным духовным вождем нации», как назвал его недавно писатель Антонио Родригес.

Чем живет сейчас этот выдающийся государственный деятель не только Мексики, но и всей Латинской Америки? В небольшом городке Уруапан, в том же штате Мичоакан, находится управление большого ирригационного строительства в долине реки Тепалькатепек. Этим строительством с присущей ему энергией руководит Карденас. В скромном деревянном доме, где размещено его служебное помещение, всегда толпится много людей: инженеры со строительства, окрестные крестьяне, друзья из столицы, журналисты. Одни явились сюда по делу, другие — за помощью, третьи — чтобы увидеть, как неутомимо и вдохновенно работает на благо своего родного штата Ласаро Карденас.

* * *

Среди кандидатов на пост президента во время выборов 1934 года внимание избирателей привлекал 39-летний генерал Ласаро Карденас, сын кустаря-ткача. Ласаро было восемнадцать лет, когда он ушел сражаться за землю для крестьян, за независимость родины.

Впервые в истории Мексики этот кандидат в президенты совершил настоящую предвыборную поездку по стране. В течение нескольких месяцев, используя все виды транспорта — самолет и пароход, лодку и лошадь, — он проехал 30 тысяч километров, побывав в самых далеких, глухих уголках страны. Генерал Карденас не гнушался работой на поле вместе с крестьянами. Он разделял их скудную трапезу, состоявшую из лепешек — тортильяс и перца — чиле, проводил вечера в скромных жилищах рабочих. Кандидат в президенты знакомился с нуждами тружеников Мексики, чтобы затем бороться за улучшение их положения. Этим он и завоевал доверие избирателей.

1 декабря 1934 года Ласаро Карденас вступил на президентский пост. В этот день политические заключенные, томившиеся на острове Мария, неожиданно узнали, что они свободны. Президент открыто выразил сочувствие стачечному движению рабочих. Начала осуществляться программа демократических преобразований, получившая название «шестилетний план». Все эти события вызвали ярость мексиканской реакции. Во главе реакционных сил стоял известный своими диктаторскими замашками генерал Кальес, который до тех пор был неограниченным, хотя и неофициальным, хозяином всей политической жизни страны, привыкшим свергать неугодных ему президентов.

Пресловутый «хефе максимо» (верховный вождь) начал плести сети политических интриг и заговоров. Но и сам Кальес и реакционные силы, стоявшие за его спиной, недооценили тех сил, которые поддерживали нового президента. Опираясь на поддержку народных масс, Карденас без всяких дискуссий в 24 часа выслал из страны Кальеса и его прихлебателя Луиса Моронеса, продажного профсоюзного лидера.

Став президентом, Карденас не изменил своим привычкам. Он мало сидел в роскошном кабинете президентского дворца и проводил много времени в путешествиях по стране. Крепкую фигуру и мужественное, загорелое лицо президента можно было встретить в любом уголке Мексики и особенно часто на его родине. Здесь, в штате Мичоакан, Карденас провел юные годы, работая наборщиком в типографии. Отсюда в 1913 году он ушел на борьбу против ненавистного диктатора, ставленника иностранных империалистов Викториано Уэрты, и несколько лет сражался в рядах революционной армии. В эти бурные годы мексиканской антифеодальной и антиимпериалистической революции выковалось поколение патриотов, горячо преданных делу национальной независимости и демократии.

К этому поколению относятся генерал Карденас и его соратники — генерал Мухика, один из авторов демократической конституции 1917 года, пламенно отстаивавший конституционные права рабочих и крестьян, а также генерал Эриберто Хара, стойкий борец за мир. Все трое оказались рядом в решающие для страны дни. Они наступили в 1938 году.

18 марта 1938 года мексиканцы услышали по радио обращение своего президента. Спокойно, без всякой аффектации, Карденас объявил: правительство издало декрет о национализации собственности иностранных нефтяных компаний в Мексике.

Этому решению, вызвавшему всеобщее ликование, предшествовала жестокая борьба против колонизаторов. Она началась с забастовки рабочих-нефтяников на иностранных нефтеразработках. В недавно вышедшем романе старейшего мексиканского писателя Хосе Мансисидора «Восход над вершиной», посвященном этой замечательной странице истории Мексики, мы читаем: «...С начала века миллионы фунтов стерлингов и миллионы долларов текли из Мексики в Лондон, Амстердам, Нью-Йорк. Президент знал, что существующий конфликт возник не из-за материальной неспособности нефтяных компаний удовлетворить требования трудящихся, а из-за упорного стремления не допустить малейшего нарушения основ их империалистической политики, насаждавшейся методами самого чудовищного произвола».

Ласаро Карденас, убежденный враг колониальной тирании империалистических монополий, твердо и последовательно поддержал борьбу, начатую народом.

Еще до этого была проведена национализация железных дорог, также принадлежавших иностранным компаниям. Правительство Карденаса начало претворять в жизнь те священные права, которые в 1917 году революционный народ вписал в свою конституцию.

Завоеванная в огне битв конституция 1917 года давала крестьянам право на землю. На деле в течение всего послереволюционного периода большинство латифундий осталось нетронутым.

За шесть лет президентства Карденаса было роздано крестьянам 18 миллионов гектаров земли — почти в три раза больше, чем за все годы со времени революции. Эта земля была конфискована у крупных помещиков. Правительство не только раздавало землю, но и оказывало помощь крестьянским общинам в ее освоении.

На большом полуострове Юкатан, где издавна возделывался хенекен — один из видов агавы, служащий для производства морских канатов, и в хлопковых районах страны на месте старых латифундий возникли новые крестьянские общины.

Особое внимание было уделено преобразованию обширного плодородного района Лагуны, который стал центром большого крестьянского кооперативного объединения.

С тех памятных лет утекло немало воды. Раздача земли крестьянам была в последующие годы прекращена. Но память о президенте, раздавшем землю, не изгладилась. Во всех концах Мексики индейцы любовно называют Карденаса именем «тата», что означает «отец»...

Когда началось вторжение итальянского империализма в Абиссинию, когда испанский народ поднялся на борьбу против международного фашизма, Карденас выступал с гневным осуждением фашистских агрессоров и интервентов. Только две страны — Мексика и СССР — открыто выразили в те дни свою солидарность с испанской республикой. Десятки тысяч испанских патриотов нашли убежище в Мексике.

В 1940 году, в соответствии с конституцией, закончился срок президентства Карденаса. Многие президенты до него пытались при помощи насилия остаться у власти, и мало кто добровольно покидал президентский пост. Карденас, верный принципам демократии, вышел в отставку точно в определенное законом время.

В годы второй мировой войны Ласаро Карденас принимал активное участие в борьбе с фашизмом на посту военного министра Мексики.

Крупнейший политический и культурный деятель Кубы Хуан Маринельо сказал однажды: «Ласаро Карденас — это история, потому что в свое время он олицетворял собой будущее Мексики. Настанет час — и он займет свое место». Эти слова оказались пророческими. Угроза третьей мировой войны показалась на горизонте — и Карденас, истый сын народа и верный его слуга, нашел свое место в авангарде борцов за мир и национальную независимость. Карденас был первым мексиканцем, подписавшим Стокгольмское Воззвание. Он был инициатором созыва первого континентального конгресса в защиту мира, состоявшегося в Мексике в 1949 году. Он член Всемирного Совета Мира и его вице-председатель. Сегодня с именем Карденаса все честные мексиканцы связывают свою борьбу за национальное освобождение, за мир, за лучшее будущее.

Имя Карденаса давно перешагнуло границы Мексики. Его краткие, лаконичные и всегда последовательно демократические обращения и заявления по многим острым вопросам мировой политики становятся известны всему миру. В марте 1955 года он заявил: «Китай имеет право освободить свои острова и завоевать самостоятельность для всей своей территории. Он имеет на это такое же право, какое имели бы мы в случае, если бы один из наших островов на Тихом океане или в Мексиканском заливе был оккупирован силами, враждебными Мексике». Ласаро Карденас резко осудил ядерное оружие, заявив, что страна, которая первой сбросит атомную бомбу на незащищенные города, потеряет право считаться демократической страной.

Карденасу недавно исполнилось 60 лет. Но неиссякаемы его энергия, организаторские способности, могучая воля, талант. Он попрежнему скуп на слова, все так же чужд внешней позы и фразы. Именно таким запечатлен образ Ласаро Карденаса во многих книгах, таким воспевает его Пабло Неруда в своей поэме «Всеобщая песнь».

Выдающийся государственный деятель, неутомимый защитник прав своего народа, поборник гуманизма и справедливости — таким предстает сейчас перед всем миром лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Ласаро Карденас.

В. КУТЕЙЩИКОВА

Одна из лучших доярок колхоза «Пятилетка», Костромской области, Герой Социалистического Труда Зинаида Ивановна Жданова.

Фото О. Кнорринга.

Заслуженная ковровщица Туркменской республики Мая Мурадова.

Фото И. Тункеля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Отец вернулся. Таня еще ничего об этом не знала. Она, как всегда, начала раздеваться на лестнице перед дверью. Сбросила жакет и, пританцовывая от нетерпения, ждала, пока мама откроет дверь.

У Тани были отличные новости. Коровы, которых кормили по ее рационам, повысили удой на пять процентов. Председатель колхоза сказал про Таню и про Вазгена: «Это наш золотой фонд». Районный зоотехник стоял дурак дураком, а Вазген только слегка улыбался. Он совсем не умеет радоваться, Вазген. В нем все скупо: и смех и гнев. Когда все ушли, Таня покружилась немного по дощатому полу нового хлева. У нее всегда была потребность выражать свои чувства в движении. «Зоотехник с душой балерины», — как говорит Юра.

Все хорошие события этого дня предстояло пережить еще раз с мамой. Но Елена Сумбатовна открыла ей без обычной улыбки, растерянная и тихая.

— Арам вернулся,— торопливо сказала она, глядя прямо в лицо дочери.— Он хочет здесь жить. Я сказала: все должны решить дети.

Таня сразу поняла, что Елена Сумбатовна говорила об отце, хотя уже много лет дома не упоминали его имени.

— Иди туда,— прошептала Елена Сумбатовна. — Он знает, что ты пришла.

Таня швырнула свой старый жакет на вешалку и вошла в комнату. Ей навстречу быстро двинулся плотный седоватый мужчина. Он привлек Таню к себе и прижал ее каштановую голову к своей груди. Таню охватило совсем новое и вместе с тем будто давно знакомое ощущение отрады и покоя. Это были не хрупкие, слабые плечи мамы, которые Таня обнимала с покровительственной нежностью, не угловатые, юношеские руки брата, нет, она прижималась к надежной, крепкой груди отца.

Всемогущий папа ее детства! С ним было так спокойно, так легко жить! Если в цирке у кассы стояла очередь, он ненадолго уходил и потом появлялся, потрясая билетами. Он быстро разбирался в самых запутанных задачах, он умел выдувать огромные мыльные пузыри и клеить разрисованного воздушного змея. Он все умел.

Таня закрыла глаза.

— Татевишка,— растроганно сказал отец.

Это тоже было из прошлого. Сейчас он не имел права так ее называть. Тот, который мог уйти от них и забыть их, был совсем другим. Таня никогда не соединяла мысленно этих двух людей. Она резко высвободилась из рук отца, прошла в другой угол комнаты и огляделась.

Мама стояла у двери. Она казалась спокойной, только очень усталой и старенькой. Отец тоже постарел, потолстел. На нем была голубая шелковая рубашка и красивый галстук в тон коричневому костюму.

Сергей сидел в кресле и смотрел в пол. Так же сидел он шесть лет назад, решая свою и танину судьбу. «Мы не будем брать денег у него,— сказал он тогда,— я оставил школу. Поступаю на завод. Таня кончит семилетку и пойдет в техникум».

Молчаливый, серьезный старший брат! Сколько ему было тогда лет? Шестнадцать? Сейчас он на секунду поднял голову, взглянул на Таню и снова потупился.

Непринужденней всех чувствовал себя отец. Он улыбался:

— Ну, как вы тут жили, как вы жили, дорогие мои...

Он ко всем поворачивал свое просительно улыбающееся лицо, ожидая слов, жеста, улыбки, хоть какого-нибудь движения, которое можно было бы истолковать как ответ.

Ему не ответил никто, и улыбка сошла с его постаревшего лица. У него задрожали щеки.

— Я понимаю,— сказал он,— я все понимаю. Но надо знать, как трудно было мне. Леля, родная, все лучшее осталось здесь. Поверь... Люди ошибаются, но жизнь их поправляет... Вы у меня одни!

Мама подняла руку.

— Пусть решат дети, — быстро сказала она.

— Никто не может быть мне более строгим судьей, чем я сам...— Таня испугалась, что отец сейчас заплачет.— Отныне вся моя жизнь будет служением семье...

— Не надо,— громко сказала Таня,— я не хочу!

И она вышла из комнаты, ни на кого не глядя, вытянутой рукой отстраняя от себя все, что могло встать на ее пути.

Она прошла в маленькую комнату, которая называлась спальней, потому что в ней стояла широкая тахта. Таня села на краешек тахты, немного посидела, а потом легла, натянув на себя старенький мамин платок. Пусть они говорят там, пусть договариваются, как хотят. Тане не нужен этот человек, который променял ее, и маму, и Сергея на Маргошку.

И тогда — давно — у мамы было усталое лицо, как сегодня. Мама часами ходила по комнатам, останавливаясь у окон. Один раз Таня слышала, как она сказала, глядя в голубое небо:

— Все, все понимаю, но так не доверять мне... Ничего не сказать! Такую боль...

— Мама, мамочка, Сережа убьет Маргошку! — крикнула тринадцатилетняя Таня, бросаясь к матери и обнимая ее.— Сережа дал честное слово, что убьет Маргошку.

Тогда Елена Сумбатовна села с Таней на эту тахту и объяснила дочери, что в жизни один раз к человеку приходит большая любовь, и, когда она пришла, уже ничего нельзя сделать. Если даже кому-то приходится страдать от этой любви, то все равно надо ее уважать.

— Это тетя Маргоша — большая любовь?! — недоуменно спросила Таня.

Тетя Маргоша была мамина подруга. Сухощавая, быстрая, она ни одной минуты не сидела сложа руки.

— Маргоша не работает, а творит,— говорила Елена Сумбатовна,— достаточно посмотреть, как она гладит белье. В эту минуту самой хочется взяться за утюг.

Но это желание было чисто платоническим. Елена Сумбатовна никогда не бралась за утюг.

— Ах, какие пустяки! — говорила она.— Тратить нашу короткую жизнь на стирку, уборку... Это преступно.

Она любила книги, картины, музыку. В молодости у Елены Сумбатовны был хороший голос, и она даже выступала в концертах.

— Я пела «Баркаролу» и романсы Шуберта. После концерта к моим родителям подошел знаменитый певец Кантони и сказал: «Доверьте мне вашу дочь, и я сделаю из нее великую артистку».

В детстве Таня слышала это много раз и всегда с трепетом спрашивала: «А что потом?»

— Ну, что,— отмахивалась Елена Сумбатовна,— буржуазные предрассудки: «Сцена, как это можно!» Загубили талант!

Растрепанная, в халатике, Елена Сумбатовна бродила по маленькой квартирке, мечтательно напевая: «Я в Риальто спешу до заката». Ее прекрасные, бархатные глаза смотрели сквозь стены и видели лазурное море и усыпанную цветами гондолу.

А на столе в кухне скапливалась грязная посуда, и скоро уже не из чего было есть.

— Не все ли равно! — говорила Елена Сумбатовна и наливала мужу чай в консервную банку.

Потом она ставила грязные тарелки и кастрюли под стол, накрывала их газетой и, прищурив глаза, удовлетворенно оглядывала кухню.

— Ну, вот и хорошо! Все в порядке!

Успокоенная, она открывала книгу. Очерки по истории музыки, какие-нибудь мемуары, старые романы — все равно. Книга уносила ее помыслы вдаль.

Дети обожали Елену Сумбатовну: она была для них веселым товарищем.

— Сегодня такая погода, что просто невозможно сидеть дома,— вдруг говорила она.— Устроим праздник сердца!

И они шли по широкому проспекту, мимо будущего таниного университета, мимо будущего института Сережи, мимо пышного зеленого садика обсерватории. Они поднимались на гору, поросшую молодым лесом, и останавливались высоко над долиной, в которой раскинулся город. Таня и Сережа разыскивали свой дом, а Елена Сумбатовна, сияя счастливыми глазами, говорила, что все это великолепие архитектуры и планировки создано при ее жизни и она чувствует себя как бы участницей этого славного дела. В лиловом тумане сумерек они любовались ровными линиями улиц, очерченных точечками зажженных фонарей, массивным величием оперного театра, красотой новых домов.

Возвращались усталые и счастливые.

Елена Сумбатовна никогда не бранила и не наказывала Сережу и Таню. Да в этом и нужды не было. Из любви ли к матери или из сознания необходимости дети рано приучились хозяйничать. Таня стирала под водопроводным краном ребячьи трусики и майки, а потом наловчилась тем же способом стирать папины носки и платки. Сережа убирал комнаты.

— Счастье твое, что у тебя такие золотые дети,— ворчала на маму соседская бабушка Анна.— Брось ты эти проклятые книги, возьмись за свой дом.

Елену Сумбатовну все вокруг учили жить.

— Люди любят поучать,— говорила она Маргоше,— я не сержусь. Видимо, это возвышает их в собственных глазах. Разве для когонибудь важно, чтоб у меня обязательно блестели полы и посуда?

Маргоша маму не поучала. Она подпоясывала свое нарядное платье полотенцем вместо фартука и начинала мытье и уборку. Работала Маргоша со вкусом. Перемывала посуду мылом и пемзой, оттирала пол щеткой, красиво выжимая тряпку сильными руками.

Потом, когда все вокруг менялось и даже воздух становился другим, Маргоша умывалась, пудрилась, красила губы и садилась в кресло.

— Я никакой работы не боюсь! — объявляла она, осматривая наманикюренные ногти.— Необходимость заставит — общественные уборные пойду мыть. А при случае и министром была бы не хуже других.

— Маргарита Павловна! Вы светлый гений этого дома! — шумно восхищался папа.

— Я женщина земная и очень обыкновенная,— веско заявляла Маргоша, кладя перед

папой чистый платок такой белизны, которой при всех стараниях не могла добиться Таня.

— В квартире совершенно нежилой вид,— задумчиво говорила мама и нарочно бросала на пол шарик смятой бумажки.

— Пригрели змею на своей груди! — ворчала бабушка Анна, когда отец совсем ушел из дому.— А ты сама во всем виновата! — набрасывалась она на маму.— Женщина должна быть хозяйкой в доме. Мужчина всегда желает от жены внимание видеть. Что молчишь? Зачем ты ее впустила в дом? Все кругом видели, к чему дело идет, ты одна, как во сне, живешь. И сейчас другая на твоем месте осрамила бы ее на весь город, чтоб не повадно было!

— Бабушка Анна,— сказала Елена Сумбатовна,— если вы еще хоть раз коснетесь этой темы, то при всем моем уважении к вам я попрошу вас больше не переступать этого порога.

И больше никто в семье не касался этой темы. Они месяцами ели одну картошку с хлебом. Они сами нашли себе друзей, выбрали себе дорогу в жизни.

А где-то жил отец со своей большой любовью, которую надо было уважать. Он покупал Маргоше пирожные. Таня видела, как он выходил из кондитерской с коробкой в руках. И теперь он снова хочет жить с ними, как будто ничего не случилось, как будто ничего не было.

— Таня! — окликнул ее Сережа. Он вошел бесшумно в прорезиненных тапках, в которых ходил на завод. Он не успел переодеться. На нем была синяя спецовка, и руки у него казались коричневыми от масляных пятен.— Татевик,— сказал он,— я тебя прошу: не надо так.— Таня молчала.— Она оказалась очень плохой женщиной. Она его прогнала.

Что ж! В свое время он на эту женщину променял их всех.

— Ему некуда идти,— объяснял Сергей.

— Ты его жалеешь? — спросила Таня.

— Я жалею маму,— сказал Сережа.— И его,— добавил он потом.

Таня приподнялась на локте и оглядела Сергея. Ей показалось, что брат предает ее: до того резким было их первое разногласие. Как можно забыть жестокие слова, которые так ранили в детстве: «Отец их бросил»!

В дверях показалась мама.

— Он ждет,— сказала она.

Таня поняла, что Елена Сумбатовна тоже жалела отца. Но последнее слово было за Таней. Сергей смотрел на нее встревоженно. Мама молчала.

— Если ему некуда идти, пусть он остается,— устало проговорила Таня.— Пусть живет у нас.

К обеду отец решил купить шампанского. Таня не стала ждать обеда. Она быстро поела на кухне.

— Я забыла составить рационы, опять надо ехать,— сказала она, не глядя на маму. Но Елена Сумбатовна поверила. Она верила всему, что ей говорили.

В этот час автобус был почти пустым, и Таня села у окна. Она думала: «Что бы ни случилось, у меня есть моя работа».

Год назад, когда ее, выпускницу зоотехникума, послали в пригородный колхоз, Таня была огорчена. Она ждала полной перемены жизни. Ей хотелось поехать в далекое от города село, хотелось, преодолевая сопротивление и трудности, создавать передовое животноводческое хозяйство.

— Город — не город, село — не село! — жаловалась она матери.— Ехать всего двадцать минут на автобусе. Хлев — по последнему слову техники. Ну что мне там делать?

Председатель колхоза, агроном и опытный хозяин, не дал Тане долго приглядываться. С первого дня он ей сказал:

— Нынешнее поголовье нас не устраивает. Ни качественно, ни количественно. Главный вопрос: каким мы желаем видеть наше стадо в ближайшем будущем? Обдумай с ветврачом. Он тоже молодой специалист. Советуйтесь с районным зоотехником, консультируйтесь в городе. Через две недели будете докладывать на правлении.

Для Тани теперь все, что имело отношение к животноводству, было нужным и важным. Остальное не имело серьезного значения.

— Из Тани постепенно вырабатывается скучный, односторонний специалист,— уверял товарищ ее детства Юрий Арцруни.— Я знаю, она согласилась пойти на «Хандут» только потому, что там на сцену выводят живую лошадь.

Превыше всех качеств Юра ценил в людях остроумие. Ему казалось признаком настоящей мужественности и хорошего тона блистать острословием во всех случаях жизни.

— Танечка, когда мы поженимся? — неожиданно спрашивал он.

— А мне за тебя замуж выходить неинтересно,— отвечала Таня,— ты меня Танькой называешь, а я хочу, чтоб за мной ухаживали, чтоб мне красивые слова говорили.

— Танюша, я же до сих пор был бедный студент. А вот сейчас в звании инженера с твердым окладом я решил посещать ваш дом с серьезными намерениями.

Все получалось вроде шутки, и Таня даже не знала, сделано ли ей предложение.

Так же небрежно, с шуточками Юра принес Елене Сумбатовне несколько статей для перевода. Это было в то время, когда им жилось особенно трудно.

— Хватит закапывать талант в землю. Вот займитесь общественно полезным трудом,— заявил Юра.

Елена Сумбатовна неплохо знала немецкий и французский языки. Она забросила музыку, книги, обзавелась словарями. Таня боялась, что у нее ничего не выйдет, но за перевод заплатили. Потом Елена Сумбатовна уже сама ходила в техническое бюро одного завода, приносила домой ярко раскрашенные каталоги и журналы. Теперь она часто говорила: «Мы, самостоятельные трудящиеся женщины...»

Видя, как ожила мама, Таня прониклась к Юре восторженной благодарностью.

«Почему мы, близкие люди, не догадывались, что ей нужно, а он сразу все понял?»

Юра целыми днями вертелся у них в доме, играл в шахматы с Сережей, а когда получал стипендию, водил всех в кино.

— Это наш домашний мальчик,— говорила Елена Сумбатовна,— его можно и за хлебом послать и в аптеку...

А сейчас Таня не хотела ничего домашнего. У нее есть свое место на земле. Вот уже пошли дома ее колхоза — аккуратные, одинаковые, «точь-в-точь инкубаторные цыплята», как говорит ветеринарный врач Вазген.

Таня сошла с автобуса как раз возле дома, где жил ветеринарный врач. Во дворе стояла мать Вазгена, сухая и неприветливая старуха. Когда Таня с Вазгеном засиживались допоздна за работой, она молча ставила перед ними хлеб и кислое молоко. А когда Вазген собирался проводить Таню до автобуса, старуха всякий раз выражала недовольство:

— Что тут... Ста шагов нет. Сама дойдет.

Таня прошла на окраину села, где стоял

большой коровник. Она переходила от стойла к стойлу. Ничего не произошло за те часы, когда ее здесь не было. Сонные коровы лениво пережевывали корм, доярки мыли бидоны после вечерней дойки. Таня постояла у электрической доильной установки, которая была предметом ее особого попечения, потом направилась в телятник и проверила, как работает душевая точка. Теплая вода с буйным свистом вырвалась из металлического диска. Необходимо было что-то делать. Таня решила помыть телят. Она скинула туфли и платье, натянула старый, узкий халатик.

— Сегодня не купальный день,— протестовала телятница Соник.— Запачкаешься. Давай я сама,— взмолилась она наконец.

Но Таня будто и не слышала. Запыхавшись от быстрых движений, она обмывала мягкой щеточкой скользкую, атласную шерстку телят, протирала тонкие, хрупкие ножки, милые большеглазые морды и повторяла почти бессознательно:

— Чего там, сама... Чего там, запачкаюсь... Ждать еще банного дня... Вот мы какие будем чистые, шелковые...

Телят перемыли. В хлеву зажглись лампочки. Стало светло. А радости все равно не было.

— Я знаю, ты думаешь, Катушка телиться будет. Ты потому пришла, да? — с вызовом спросила молоденькая доярка Марджана.— Я вот не врач, не зоотехник, а скажу: она сегодня телиться не будет. Хочешь спорить?

Таня сама знала, что Катушка сегодня телиться не будет, и рационы еще утром составлены, и делать ей здесь нечего. На танином рабочем столе все разобрано и разложено, как на комоде у старой девы. Бумажки скреплены булавкой, книги сложены пирамидой, карандаш остро отточен. Конечно, здесь побывал Вазген. Это его манера учить аккуратности. Таня злилась. Она хотела, чтоб он сейчас же, немедленно пришел. В эту минуту он ей нужен был больше всех. Но сегодня все получилось плохо. Вазген пришел в своем праздничном синем костюме, из которого вырос. Вдобавок Вазген только что побывал в парикмахерской, где его слишком коротко остригли и слишком сильно надушили.

«Если б я его любила, мои чувства не изменились бы оттого, что он надушен противным одеколоном»,— грустно думала Таня.

— Ты почему приехала, Такуш? — спросил Вазген.

Он с первого дня переделал ее имя на более привычное для деревни.

— Мне скучно,— сказала Таня с вызовом,— приехала посмотреть на тебя.

— А я в кино шел,— простодушно сообщил Вазген.— Хорошо, мать за мной прибежала, сказала: «Иди, Такуш что-то приехала...»

— Удивительно! — пожала плечами Таня.— Она же меня терпеть не может!

— Это неправда,— серьезно возразил Вазген.— Зачем так говоришь, Такуш? Она немного боится. У нее один сын. Она думает: какая невестка в дом войдет, будет ли ее уважать? Старого человека понять надо.

Таня встала с места.

— Пойдем отсюда. Катушка от твоего одеколона выкинуть может.

У изолятора Вазген остановился и, накинув халат, осмотрел больного бычка. Когда он своими большими руками бережно и умело касался животных, когда разговаривал с председателем колхоза — убедительно, веско, не горячась,— Тане казалось, что она его любит. Когда она его долго не видела, ей тоже казалось, что она его любит. Но иногда она больше любила Юру.

«Мама говорит, что не все люди умеют любить. Может быть, я просто не умею?» — подумала Таня.

— Хочешь, пойдем в кино, а не хочешь, к нам домой пойдем,— предложил Вазген.

— В кино я не пойду. И к вам не пойду. Пусть твоя мать спит спокойно.

— Моя мать в моем доме всегда будет первый человек, Такуш. Ты это знай,— серьезно сказал Вазген,— Моя мать — трудовой человек. Она много горя видела.

Таня молчала. Ей вдруг представилось, что и матери Вазгена тоже было когда-то двадцать лет и, может быть, она шла по этой дороге и думала, как думают все девушки, о своем будущем муже, о семье, о детях. А сейчас у нее уже все позади.

— У нас жизнь трудная была,— говорил Вазген.— В этом селе мы самые бедные были, а теперь я здесь не последний человек.

— Уж очень ты сам себя зауважал! — фыркнула Таня.

— Если человек сам себя не уважает, его никто уважать не будет,— твердо и уверенно заявил Вазген.

Вдруг у остановки автобуса Таня увидела Юру. Он еще никогда не приезжал сюда. Так странно было видеть его, оторванного от привычной городской обстановки, здесь, где проходила танина вторая жизнь.

— Как ты меня нашел? — спросила Таня удивленно.

— Нашел, потому что не искал,— значительно ответил Юра и потряс рукой, приветствуя Вазгена.— Мой гений мне подсказал, что если я буду за тобой бегать, мы обязательно разминемся, а к автобусной остановке ты рано или поздно придешь.

— Тактика выжидания, значит? — усмехнулся Вазген.

— А ты сторонник бури и натиска? — тотчас весело спросил Юра и, не дав Вазгену ответить, повернулся к Тане.— Танечка, поднялся ветер, и Елена Сумбатовна очень беспокоилась, что ты замерзнешь.

Через руку Юры было перекинуто танино серое пальто.

— Уж как-нибудь в июне месяце она не замерзнет,— все с той же понимающей усмешкой заметил Вазген.

— Ты был у нас? Ну, как там?

— Большие перемены. Елена Сумбатовна у репродуктора слушает Бетховена, Сергей в кухне за книгой, а папаша за столом раскладывает пасьянс. Все это очень неожиданно.

Вазген вопросительно перевел глаза на Таню.

— Ну да, отец теперь будет жить с нами. Куда же ему деваться? — торопливо, с досадой объяснила Таня.

Вазген все смотрел на нее.

— Почему ты сердишься? Наш долг почитать и содержать родителей до конца их дней, — назидательно сказал он.

Таня закусила губу и тряхнула головой:

— Я хочу показать Юре наш новый хлев.

Было очень заманчиво ввести представителя домашнего мира в обстановку ее трудовой жизни.

— Танечка,— взмолился Юра,— ты так красочно, подробно, прямо-таки художественно о нем рассказывала, что я воочию вижу перед собой этот коровник! Боюсь, что личное свидание только испортит впечатление. Кстати, и автобус подходит.

«Он мальчишка,— подумала Таня,— его совсем не интересует моя жизнь».

— Конечно, коровник для инженера мало привлекательное место. Но я очень прошу, зайдем к нам, выпьем по стакану вина, — предложил Вазген.

— Я еду домой! — резко сказала Таня и вскочила в автобус.

Когда машина тронулась, она спросила:

— С чего это ты вздумал привозить мне пальто?

— А я начинаю за тобой ухаживать. Первый этап ухаживания — носить за девушкой пальто. Я его и пронес, вернее, провез восемнадцать километров. Восемнадцать ноль в мою пользу против нашего общего друга Вазгена. Зачти!

Таня молчала.

— Чего ты злишься? — не унимался Юра.— И что у вас у всех за настроение? Ведь возвращение Арама Сергеевича надо расценивать в общих чертах как явление положительное.

— Юра,— сказала Таня,— я столько лет тебя знаю и ни разу не слышала, чтоб ты говорил, как человек. Я устала от твоей вечной болтовни.

— Ты неправа. Иногда я бываю вполне серьезен.

— Когда, например?

— Когда говорю, чтоб ты вышла за меня замуж.

— Это самое смешное из того, что ты говоришь.

Таня отвернулась к окну.

— Конечно, ты хочешь, чтоб я стал на колени и объяснился тебе в любви, держа в руке

букет белых роз. Ну что ж, я, кажется, и на это пойду.

— Не знаю, на что ты пойдешь,— с горечью сказала Таня,— но сегодня ты шел ко мне и даже не побрился.

Юра схватился за щеки.

— Танечка, честное слово, бреюсь — не помогает...

«Конечно, он еще мальчик. Милый домашний мальчик»,— думала Таня, поднимаясь по лестнице к себе на второй этаж.

Таню встретила Елена Сумбатовна.

— Иди, детка, выпей чаю.

Таня любила вечерние часы с мамой. Она всегда рассказывала обо всем, что случилось за день. Елена Сумбатовна ахала, переспрашивала, советовала. Сегодня Таня сидела тихая, и ее глаза, похожие на бархатные глаза матери, смотрели в чашку, а Елена Сумбатовна бесшумно ходила по комнате.

— Знаешь, Танюша, — тихо сказала она, — папа больше не работает. У него пенсия. Кажется, довольно приличная.

— Это все равно,— сказала Таня деревянным голосом.— Я его должна кормить и содержать до конца его дней.

— Таня, что за слова! — ужаснулась Елена Сумбатовна.

— Так мне сказал сегодня один человек, которого я очень уважаю,— пояснила Таня.

В комнату вошел отец. Теперь он был в пижаме — более старый и менее знакомый.

— Танюша пришла,— сказал он, сел за стол и, подперев ладонями щеки, смотрел, как Таня допивала чай.

— Дочка, взрослая, самостоятельная... Что же это у тебя, Танюша, призвание?

Таня молчала. В детстве она была уверена, что рождена быть балериной. Или по крайней мере артисткой. Из скатертей и занавесок она устраивала себе костюмы цариц и волшебниц. После она перевоплощалась в героев прочитанных книг. Под любую музыку она танцевала. Самой горячей мечтой детства был патефон. В техникум Таня пошла, не раздумывая. Надо было чему-нибудь в жизни научиться. Она училась и работала с тем же вдохновенным увлечением, с каким кружилась когда-то под хрипение старенького репродуктора. А патефона так и не купили.

Таня нашла бы в себе силы ответить, если б видела, что мама этого хочет, если б она хоть взглянула на Таню. Елена Сумбатовна сидела на диванчике, ссутулив плечи и сощурив глаза. Казалось, она не слышала, о чем спрашивал Таню отец. Сережа стоял у двери.

Вот у Сережи было призвание! Он с детства мечтал изобрести маленький беспроволочный телефон, который каждый человек мог бы носить при себе. Сережа такой способный!

— Может быть, я не понимаю, но для девушки это как-то не совсем...— пошевелил пальцами отец.— Навозцем, иодоформом пахнет, а, Танюша?

— Правда? — спросила Таня вежливо.— Тебе не нравится? Жаль, что ты мне не сказал этого раньше, я поступила бы в парфюмерный техникум.

Она встала и, ни на кого не глядя, ушла в переднюю, которая служила и кухней. Здесь на старой тахте Таня постелила себе постель. Она слышала торопливые шаги брата, треск высыпаемых из ящика фигурок и потом короткие фразы, которыми обмениваются игроки в шахматы.

«Добренький Сережа, утешитель...» — подумала Таня.

Елена Сумбатовна тихо открыла дверь, постояла у таниной постели и так же тихо ушла.

Хозяйничала в доме Таня.

С отцом ей стало гораздо легче вести хозяйство. Теперь она не ходила на рынок. Арам Сергеевич считал, что закупать провизию не женское дело.

— Разве тебе мясник даст такой кусок, как мне? — провозглашал он, потрясая бараньей ножкой. — Разве ты возьмешь такие огурцы? Я каждый огурец, как невесту, выбираю!

Потом он купил холодильник.

— Это очень хорошо,— спокойно сказала Елена Сумбатовна.

Она и сейчас была равнодушна к тем жизненным благам, которые олицетворял холодильник. Таня лучше всех знала, как это хорошо. Теперь можно приготовить обед сразу на два дня, не держать сливочное масло круглые сутки под струйкой воды из-под крана, не беспокоиться о том, что скиснет молоко. Но восторгов Таня не выражала.

А отец требовал одобрения. Он рассказывал, что холодильников было всего восемь штук и их хотели продать с черного хода по запискам, но он разоблачил козни директора магазина и отобрал себе самый лучший.

— Нет, кроме шуток, это необходимая вещь, как вы думаете? — снова и снова спрашивал он у домашних и наконец отправлялся за сочувствием к бабушке Анне.

— Что бы там ни было, а сейчас моя семья не имеет оснований на меня жаловаться!

Бабушка Анна кивала головой. Она одна просто и бесцеремонно касалась прошлой жизни отца.

— Пока ты помоложе был да хорошие деньги зарабатывал, эта вертихвостка за тебя держалась. А сейчас никому ты не нужен, кроме детей. Хотят не хотят — должны уважать. Отец!

— Кто из нас не делал ошибок? Кто? — взывал Арам Сергеевич к бабушке Анне, самозабвенно отдавшей всю жизнь заботам о семье.— Ты лучше других знаешь, отчего я ушел. Кто мою жизнь видел, тот меня не обвинит, — понижая голос, сердито говорил он.

— От золота за медяшкой пошел,— отвечала непреклонная бабушка.— Конечно, каждая жена в чем-нибудь перед мужем виновата. Не без этого. Ну, поучи, вразуми! А такую обиду семье нанести, как ты сделал,— большой грех. Теперь всем доволен будь!

У отца не было причин для недовольства. Таня очень заботилась о том, чтоб ему вовремя дали завтрак, чтоб хорошо настоенный чай был налит вровень с краем стакана, чтоб он всегда выходил в накрахмаленной рубашке. Чувство, с которым она это делала, не имело ничего общего с восторженной любовью, заставлявшей девочку Таню стирать под краном папины носки.

Мама попрежнему каждый день встречала Таню и сама открывала ей дверь. Только Таня больше не выкрикивала новости на всю квартиру. Шепотом, как заговорщики, они разговаривали на кухне.

— Катушка отелилась,— сообщала Таня.— Бычок чудесный, мечта! Мы его не отправим в горы. В этом году двадцать голов в долине оставим. И все молодняк. Будем приучать к жаре. Нам надо выносливую породу создавать. А я боюсь: вдруг не привыкнут?

Елена Сумбатовна понимающе ахала.

— Позовем Сережу,— говорила Таня и снова рассказывала про чудесного бычка.

Тихо разговаривать было трудно, и Таня иногда громко фыркала, закрывая рот рукой.

Арам Сергеевич показывался в дверях.

— О чем вы тут шепчетесь, таракашки мои?

— Так! Ни о чем,— небрежно говорила Таня.

Елена Сумбатовна начинала искать свою книгу, Сережа молчал.

Отец, повернувшись, уходил на балкон.

Раз ночью Таню разбудили голоса в соседней комнате.

— Детей можно настроить как угодно,— возбужденно говорил Арам Сергеевич.— Она не хочет смотреть мне в глаза!

— А чего ты ждал? — тихо спросила Елена Сумбатовна. И Тане показалось, что маминым голосом говорит чужой человек.

— Я вернулся в свою семью. Человек не может чувствовать себя виноватым всю жизнь.

— А несчастным всю жизнь? — спросила Елена Сумбатовна. И Таня положила на голову подушку, чтоб не слышать больше чужого голоса мамы...

На другой день Елена Сумбатовна была такая же, как всегда, напевала свои песенки. Но Таня знала, как обстоит дело, и даже танина любовь не могла ничего изменить. Она обхватила маму руками, прижалась лицом к ее пушистым волосам.

— Мамочка, для тебя я все сделаю, все...

Елена Сумбатовна ответила не сразу.

— Ничего не надо, девочка. Будь такая, как ты есть.

Тане не было трудно, когда Арам Сергеевич на нее сердился, когда он говорил, что нынешние девушки потеряли секрет женственности, что танины интересы ограничены, что профессия накладывает отпечаток на внешний облик. А какой отпечаток могла наложить танина профессия на ее облик?!

В этих случаях Таня молчала. Ей было гораздо труднее, когда отец говорил с ней ласково: «Ну, как дела, доченька? Устала, родная?» Было совсем плохо, когда Арам Сергеевич делал Тане подарки. Он клал пакетик около ее тарелки и смотрел на дочь со значительной улыбкой. Таня делала вид, что она ничего не замечает, отодвигала сверток в сторону, но Арам Сергеевич говорил: «Посмотри. Там коечто для тебя...»

Таня не трогалась с места. Арам Сергеевич сам разворачивал бумагу и вынимал флакон духов или перчатки и вертел их над головой, чтобы все могли любоваться. Таня уходила из комнаты. И тогда Сергей молча раскладывал перед отцом шахматную доску. Ему совсем не хотелось играть, но отец за шахматами замолкал, сосредоточенно обдумывал ходы и забывал обиду.

Отводил душу Арам Сергеевич только с Юрой. Они спорили о международных событиях, о применении атомной энергии, о новых открытиях в медицине.

— Таня, по-моему, ты недооцениваешь своего родителя. Он вполне современный предок. Объясни, чего ты на него косишься?

— Не могу я тебе объяснить, ты все равно ничего не поймешь,— ответила Таня.

— Ты сама ничего не понимаешь! — пожал плечами Юра.— В конце концов наши родители такие же люди, как и мы. У них может быть своя жизнь, чувства, страсти, наконец!

Таня молчала. Она слышала, как Арам Сергеевич говорил бабушке Анне о своей большой любви: «По существу, если разобраться, то, конечно, дрянь она была. Мелкая душонка. Но женщина с огоньком, с искрой...»

Юра не унимался.

— Танечка, у тебя испортился характер. Боюсь, мне достанется злая жена. Кстати, как поживает наш друг Вазген?

— А я его сейчас сама не вижу. Он в горах,— спокойно ответила Таня.

— Утешительное известие,— одобрил Юра.

Вазген уехал в горы, чтоб подготовить фермы для летних кочевок. Это было танино дело, но Вазген всегда облегчал ей работу.

— Тебе тяжело будет. А для меня каждый камень — подушка, а что мягче камня, то и еда,— объяснял он.

Таня его не видела несколько дней, а в воскресенье он появился у нее дома в своем праздничном синем костюме и привел с собой мать.

Таня готовила обед. Комочки жирного мясного фарша она заворачивала в молодые виноградные листья. На ней был длинный пестрый халатик и шлепанцы на босу ногу. Сотни раз Вазген видел ее на работе и более растрепанной и босой, но, открыв ему дверь, Таня ахнула и побежала переодеваться. Она сразу догадалась, зачем он пришел, такой торжественный, с матерью. Он уговорил старуху придти, чтоб Таня поняла: мать согласна признать Таню своей невесткой, мать пришла познакомиться с будущей родней.

Когда Таня вошла в столовую, Елена Сумбатовна пыталась занимать гостью, а отец расспрашивал Вазгена о финансовых делах колхоза.

Тетушка Ареват сидела, напряженно вытянувшись. Она была в новом шелковом платье, с орденом. Ее корявые, костистые руки плотно лежали на коленях. Лицо было, как всегда, замкнуто и сурово. Глаза цепко, будто схватывая, осматривали все вокруг.

Елена Сумбатовна воспользовалась приходом Тани и ускользнула в кухню, где топтались Сережа и Юра.

— Что им дать? — растерянно спросила она.— Чаю? Вина? Вина, положим, у нас нет...

— Зачем они пришли? — спросил Юра.

— В гости пришли, я думаю,— ответила Елена Сумбатовна.

— Тетя Леля, я вас прошу, скажите Тане, пусть она на минутку придет сюда.

— Какие глупости! — махнула рукой Елена Сумбатовна.— Сами идите в комнату. Что вы здесь, как дикари, прячетесь!

Но Таня заглянула в кухню. На ней было новое розовое платье, подпоясанное черной бархаткой.

— Мамуся,— оживленно сказала она,— пусть мальчики купят пирожных и конфет.

— Таня,— позвал ее Юра,— мне надо с тобой поговорить. Одну минуточку...

— Нашел время!..

— Я настаиваю! — Он потащил Таню в угол.— Скажи, к чему этот парад? Это что, официальный визит?

— Может быть, Юрочка, все может быть! — ответила Таня.

Юра растерянно посмотрел на нее. Лицо его изменилось. Обычно прищуренные глаза расширились, всегда растянутые в улыбке губы вдруг стали по-детски пухлыми.

— Над чем ты смеешься? Мне же надо знать, как ты к этому относишься!

— Юринька, это слишком долго объяснять. Поговорим как-нибудь в другой раз. Сережа, конфет возьмите самых хороших — мишку или белочку.

Она побежала в столовую, где Елена Сумбатовна только что выяснила, что тете Ареват столько же лет, сколько и ей, хотя Елене Сумбатовне казалось, что она вполне могла бы сойти за дочь этой старой женщины. Она так искренне удивлялась, что мать Вазгена чуть улыбнулась и сказала, проведя рукой по темному, выдубленному солнцем лицу:

— Я у себя первый седой волос в шестнадцать лет увидела. — И она повернулась к сыну, будто предлагая ему продолжать.

— Ее отца дашнаки шомполами забили, на глазах всей семьи,— пояснил Вазген.

Старуха выслушала, кивая головой и чуть покачиваясь.

— Да-а-а,— протянул Арам Сергеевич,— это можно понять.

— Не можешь понять,— негромко отрезала мать Вазгена.— Двадцати двух лет я мужа потеряла. Троих детей уговорить, чтоб без еды спать легли,— ты это можешь понять? Одно у меня слово для них было — терпите, терпите...

— Что ж,— сказал отец,— зато теперь ваш колхоз — один из самых богатых в республике, кажется? — Он встал и вытащил из кармана портсигар.

— Ничего колхоз,— сдержанно ответила тетя Ареват и повернулась к Елене Сумбатовне.— Дочь на тебя похожа!

Таня положила ей на тарелку пирожное, но старуха только пила чай, держа стакан негнущимися пальцами.

— Сейчас у меня дом есть,— сказала она,— на троих строила, да вот ему одному достанется.— Она кивнула на сына.— Сад у меня, корова. Такуш видела.

— Пейте чай. Вазген, бери конфеты,— угощала Таня.

Юра как ушел, так и не вернулся. Сережа молча сидел у стола.

— Разве у вас больше нет детей? — спросила Елена Сумбатовна.

— Они на войне погибли,— ответил за мать Вазген.

— Ребята были, как львы,— сурово проговорила старуха.— Парни были рослые, видные. Этот не такой,— указала она в сторону сына, и Вазген охотно закивал головой.— Только дожили до сытного куска, до хорошего дня — и ушли.

Все молчали. Потом старуха глубоко и быстро вздохнула, будто сбрасывая воспоминания, и повернулась к Елене Сумбатовне:

— Твой сын на заводе работает? Я своему образование дала. Теперь пусть женится. Я свой долг выполнила.

— Долг,— сказала Елена Сумбатовна.— Я думаю, главное в отношениях между родителями и детьми — любовь...

Таня потянула Вазгена за рукав и увела его на балкон. Тетя Ареват проводила их неулыбающимися глазами. Она смотрела на них и не слышала замечания Елены Сумбатовны.

Таня прислонилась к перилам. На другом конце балкона Арам Сергеевич курил папиросу. Когда они вошли, он еще немного постоял, а потом медленно прошел в спальню.

Вазген был далек от того, что мучило Таню. Для него просто: в доме есть отец, ему надо оказывать уважение, дети своим родителям не судьи. Жизнь его была ясной и чистой. Любовь его будет спокойной и надежной.

— Таня,— сказал Вазген,— мама хотела кольцо принести. Я ей сказал: подождем пока. Я плохо сделал?

Сердце у Тани забилось. Перед ней стоял человек, для которого она была самой желанной, самой любимой. Ей было легко сказать сейчас: «Какие пустяки — кольцо! Отдашь мне его завтра». Но разве это была та большая любовь, которую она ждала?

— Нет,— сказала Таня,— ты хорошо сделал. Я еще ничего не знаю.

— Не знаешь? — переспросил Вазген.— Не хочешь?

— Не знаю,— повторила Таня.— Я буду ждать. Только пусть тебя ничего не связывает.

— Это ты все не те слова говоришь, Такуш,— мягко сказал Вазген.— Ты не думай, я тебя каждый день вижу. Я могу ждать.

Он положил руку на танину голову, едва притрагиваясь, провел пальцами по ее щеке и сказал:

— Матери пора домой.

Гости ушли. В доме сразу стало тихо. Елена Сумбатовна отнесла тарелки на кухню и осталась сидеть там на тахте. Таня постояла перед зеркалом. Ей очень шло розовое платье. Надо надевать его пореже, чтоб это всегда было праздником. А обед еще и не варится. Таня стала переодеваться. «Что думает мама? А Сережа? Сидел надутый! Глупые мои, дорогие!»

Таня побежала через столовую, но там ее остановил Арам Сергеевич.

Ему надо было многое сказать дочери. Теперь она его должна понять. Долг отца — напутствовать свое дитя перед решающим шагом. Правда, Араму Сергеевичу была противна эта деревянная, каркающая старуха, но он может стать выше этого. Он не будет насиловать танину волю. Но предостеречь, предостеречь от ошибок молодую жизнь!

— Значит, наступило и твое время, Танюша, а? Заговорило сердечко?

Таня отшатнулась. Разве можно было так касаться того, что жило в ее душе? И разве мог это делать ее отец? Он воплощал все, от чего хотела уберечь себя Таня. Что ему надо?

Она молча прошла мимо — к матери, к брату, с которыми можно разговаривать, можно молчать.

Арам Сергеевич пошел за ней. Улыбка не сходила с его лица.

Таня села рядом с матерью и положила голову ей на грудь. Сергей шагнул навстречу отцу.

— Газеты в столовой,— сказал он.— Если хочешь, Таня сварит тебе кофе...

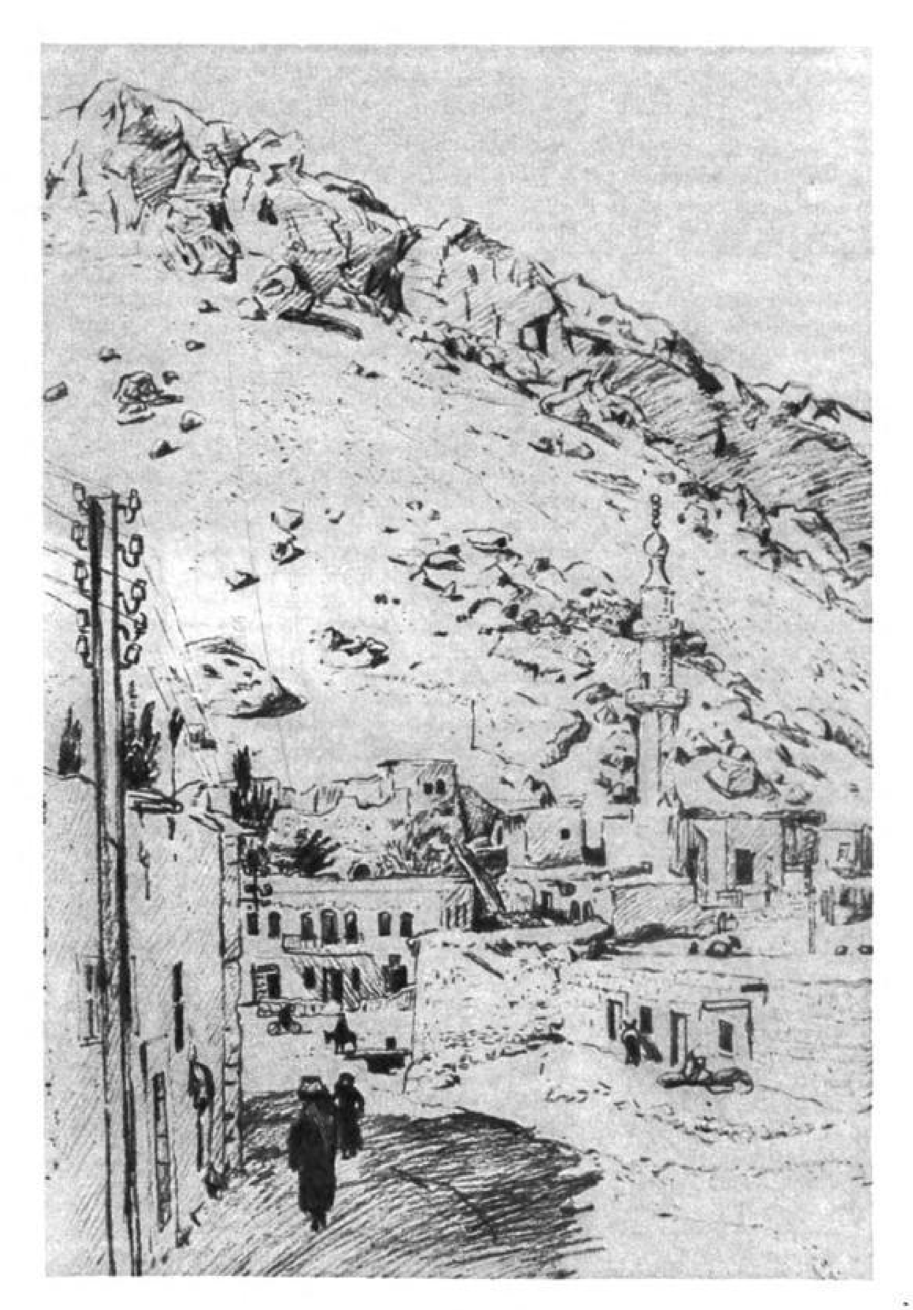
Старший брат плотно закрыл дверь, и они остались одни.

СИРИЯ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

О. ВЕРЕЙСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки автора.

ДЕРЕВНЯ МАЛЮЛЯ.

Вода — это жизнь, говорят арабы, а они знают настоящую цену воде. Вся Сирия представляет собой множество островков — оазисов в безлюдной пустыне. Берега реки, ручейка, место выхода горного источника — это центры, вокруг которых возникает и развивается жизнь.

Народ Сирии, недавно отстоявший свою независимость, хорошо знает, что обилие воды могло бы превратить его страну в цветущий сад. Сейчас разрабатываются проекты оросительных систем, которые сделают землю Сирии плодоносной. Но пока воды мало и она дорого ценится.

В горную деревню Малюля нас привез талантливый сирийский художник Насыр Шурá. Мы приехали в полдень. Стояла ничем не нарушаемая тишина, деревня казалась объятой сном. Но вдруг в одно мгновение она ожила. Из домов выбежали люди и спустя несколько минут машину Насыра окружили плотным кольцом. Первыми, конечно, явились ребятишки в просторных платьях, за ними — коренастые загорелые мужчины в длинных халатах, бурнусах или мешкообразных, узких у щиколоток штанах и неизменных белых куфиях на голове. Все они радостно и весело приветствовали нас. Как во всех деревнях мира, новости здесь передаются непостижимо быстро.

— Они знают, что вы русские, и счастливы приветствовать вас,— сообщил нам Насыр.

Мы вышли из машины, пожали столько рук, сколько смогли, и пошли по деревне, сопровождаемые эскортом загорелых босоногих детей. Между тем взрослые задавали множество вопросов, из которых было ясно, что они еще очень мало знают о нашей стране, но питают чувства глубокой симпатии и благодарности к нашему правительству за его последовательную поддержку прав малых народов на самоопределение, свободу и независимость.

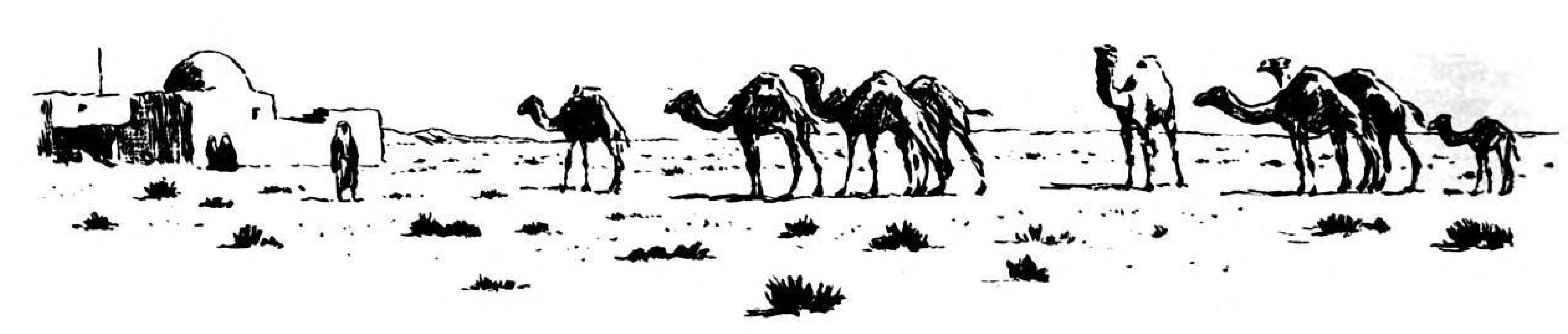
К тому времени, когда наш запас всевозможных значков иссяк, мы стали раздавать в качестве сувениров открытки — репродукции картин советских художников. Вежливые и доброжелательные, наши собеседники, разглядывая открытки, сжимали пальцы щепотью и приговаривали: «Коис, коис»,— что означало высшую форму одобрения.

Сделав каждый по этюду и дружески распрощавшись с жителями Малюли, мы торопились засветло пересечь кусок пустыни, отделяющий этот оазис от Дамаска.

Мы обогнали караван: кочевники — бедуины меняли становище. Впереди ехал старший на прекрасном скакуне, за ним — арабы на осликах, следом пастухи гнали овец и коз, и замыкали шествие верблюды с поклажей. Спины нескольких верблюдов были увенчаны подобием птичьих гнезд, из которых выглядывали женщины и высовывались детские головки. Облюбовав становище, бедуины раскинут свои черные шатры и пустят скот на новое пастбище. Мы не раз вспоминали родные луга, глядя на редкие колючие пучки чахлой растительности, покрывающие высохшую землю сирийской пустыни.

БЕСЕДА.

В один из первых дней пребывания в Дамаске мы осматривали международную ярмарку. Переходя из павильона в павильон, мы каждый раз задерживались у большого фонтана. К нему то и дело подходили посетители ярмарки, у низкого барьера бассейна играли дети, но одна фигура словно окаменела. Вот уже несколько часов феллах, сидящий перед фонтаном, скрестив ноги, не отрываясь, смотрел на мощную струю воды, которая била высоко в небо и, распадаясь, с шумом низвергалась в бассейн. Мы уходили и возвращались, а феллах все сидел, неподвижный, как изваяние, и смотрел на воду...

Эта сцена рассказала мне гораздо больше, чем все статьи, какие пришлось читать про засуху, про недостаток воды в Сирии.

Мы видели, как на улицу Дамаска въехала запряженная мулом арба. На ней разместилась большая семья: множество фигур и фигурок, с головой закутанных в куски выцветшей ткани. Когда арба поровнялась с фонтаном, дети ссыпались с нее, как горох, и, обгоняя друг друга, устремились к воде. Началась возня. Но это не была обычная, шумная игра детей у фонтана. Дети феллахов не играли с водой. Они подставляли под струю лица, ладони, волосы, они пили эту воду, ловя ее жадно раскрытыми ртами, и окунали в нее руки. Они ласкали воду, радовались ей и делали это так тихо, что мы, не сговариваясь, зашагали прочь. За нами стояла все та же тишина, нарушаемая только веселым шумом воды.

Дамаск называют «жемчужиной Востока». Каждый вкладывает свой смысл в эти слова. Но арабы обязательно говорят при этом: «В Дамаске много воды». Столицу Сирии пересекает веселая, быстрая река Барада. У ее истока, там, где выбивается на поверхность земли мощный горный поток, часть воды сразу попадает в трубы дамасского водопровода. Жители города пьют удивительно чистую, нехлорированную, прохладную воду. В любом ресторане или кафе перед посетителем, пока он ничего еще не заказал, ставят стакан воды. Просто стакан воды или воду с кусочком льда.

Но, конечно, «жемчужиной Востока» Дамаск назван не только потому, что здесь достаточно много воды. Это древний, очень красивый и удивительно своеобразный город. Он возник в XVI веке до нашей эры на месте скрещения караванных путей, ведущих к берегам Средиземного моря.

Что знали мы о Дамаске до того, как увидели его? Только то, что он славится узорчатыми шелками и изделиями из стали, что когда-то им владели египетские фараоны, а затем город много раз менял своих властителей, среди которых были и Александр Македонский и Тамерлан. Дамаск представлялся нам сказочным местом, насыщенным восточной экзотикой.

Так оно и оказалось на первый взгляд: узкие улочки старого города, по которым плавной, скользящей походкой проходят женщины, закутанные в покрывала, бедуинки с открытыми лицами, украшенными татуировкой, мужчины в белых куфиях или красных фесках,— это тот самый Дамаск, который уже существовал в вашем воображении. Но вот в узкой улочке вас оглушает гулкий рев автомобильной сирены, и вам приходится прижаться к стене, чтобы не угодить под колеса «Кадиллака» новейшей модели. Женщина, с которой вы поровнялись, в парандже, но ткань такая прозрачная, что она уже не скрывает лица. Голос муэдзина с верхушки минарета кажется вам неестественно громким и металлическим. Вы поднимаете голову и видите, что на минарете нет муэдзина, а вместо него незамаскированный репродуктор выкрикивает слова молитвы...

Из атмосферы старой восточной сказки вы переноситесь снова в XX век и обращаете внимание на то, что стены многих зданий пробиты снарядами. Это сравнительно свежие раны, их нанесла городу французская артиллерия, которая обстреливала Дамаск во время событий 1945 года.

Центр Дамаска — это уже не кривые, узкие улочки, где, раскинув руки, можно потрогать стены стоящих друг против друга зданий, а широкие, людные улицы, полные непривычного для нашего уха шума. Гудки автомобилей и извозчиков, звон металлических тарелочек, которым привлекают внимание прохожих продавцы воды, гортанные крики продавцов газет, сластей или орешков, свистки полицейских, многоголосый, многоязычный говор толпы — таков своеобразный, так сказать, шумовой колорит Дамаска. А что касается зрительного облика города, то его создают не столько прекрасные здания восточной архитектуры, сколько толпа на улицах, яркая и многокрасочная. И хотя здесь немало людей и в обычной, европейской одежде, но они растворяются среди покрывал, бурнусов, куфий и тог.

То же самое можно сказать и об архитектуре. Есть много домов современной постройки, но они как-то гармонично вписаны в общий стиль города, который, как его ни разбавляй, все равно остается «жемчужиной Востока».

В Дамаске строят сейчас много новых зданий. Нам, привыкшим к масштабам и пейзажу московских строек, само представление о которых немыслимо без устремленных в небо гигантских кранов, немного странно было видеть, как большие современные дома воздвигаются вручную. Из окна нашей гостиницы мы видели, как на противоположной стороне улицы растет дом. Единственной «техникой» у строителей были моток веревки и блок. В умелых и ловких руках это примитивное орудие становилось универсальным и прямо чудодейственным. Нужно сказать, что, несмотря на отсутствие строительной техники, дома в Дамаске растут довольно быстро, они красивы и удобны.

Если пройти мост через Бараду и миновать здания больших отелей — Семирамис и Ориенталь-Палас,— то попадаешь в старый Дамаск, в места, которые были когда-то его центром. Здесь между круглых куполов мечетей и старинных домов с удивительно красивыми резными балконами идет длинная, крытая полукруглыми сводами улица. Это знаменитый базар Сук Хамедие. Когда я попытался нарисовать уголок этого восточного базара, вокруг сразу образовалась толпа — зрители очень благожелательные, но такие шумные и темпераментные, что рисовать было трудно. На базаре Сук можно купить все что угодно, но самым большим соблазном для нас были изделия народных мастеров-ювелиров, гранильщиков, гончаров, резчиков по дереву.

Базар упирается своим концом в другую достопримечательность Дамаска — мечеть халифа Валида, которую называют также мечетью Омейядов.

ТОЛПА В ДАМАСКЕ.

КАФЕ НА ТРОТУАРЕ.

МЕЧЕТЬ ОМЕЙЯДОВ.

ХАЛИЛЬ МАРДАМ.

Мечеть Омейядов перестраивалась некогда византийцами, но много поколений арабов украшало это здание. Мечеть всегда переполнена. Здесь много молящихся и еще больше туристов. Мусульмане снимают у порога обувь, туристам выдают матерчатые туфли, чтобы не портились мозаичные полы и драгоценные ковры, которыми устлан огромный, как городская площадь, главный зал мечети.

В дни нашего пребывания в Дамаске в мечети было особенно людно: много гостей и туристов приехало на ежегодную международную ярмарку. И хотя на этот раз здесь не было павильона Советского Союза, флаг нашей страны развевался на флагштоках наряду с флагами других государств — участников ярмарки. Он был поднят в связи с открытием в Дамаске выставки советского изобразительного искусства.

За двадцать пять дней на выставке побывало сорок тысяч человек. Нам говорили, что ни одна художественная экспозиция еще не привлекала к себе такого внимания. Незадолго перед тем в этих же залах была открыта выставка американского изобразительного искусства. Она не имела успеха, редкие посетители бродили среди беспредметных формалистических полотен.

Нашу выставку посетили премьер-министр Саид Гази, некоторые министры, представители высшего духовенства, командования сирийской армии. Мы рады были видеть на выставке простых феллахов, рабочих, продавцов-разносчиков, солдат, школьников, студентов.

Посетители выставки оставили много записей в книге отзывов. «Гордость, испытанная мной при осмотре выставки, никогда не изгладится из сердца»,— гласит одна из записей. «Да благословит бог этих художников и страну, которая их породила». Часто записи не имели прямого отношения к выставке. «Да здравствует страна Советов! Да здравствует мир на всей земле и дружба всех народов!»

Посетители выставки передавали привет советским людям, нашей стране. Я видел, как молодой араб, осмотрев выставку, направился было к выходу, но вдруг остановился, услышав русскую речь: директор выставки В. В. Руднев громко сказал что-то. Араб вернулся, подошел к Рудневу, обнял его, поцеловал и ушел, не произнеся ни одного слова.

Выставка дала нам возможность завязать много интересных знакомств с деятелями культуры и искусства Сирии. Пожалуй, самым внимательным из наших зрителей был Халиль Мардам — президент Арабской академии наук, один из культурнейших людей своей страны. Халиль Мардам любезно пригласил нас к себе, и мы провели несколько часов в его старом доме, слушая рассказы хозяина о Сирии.

Мы, конечно, познакомились и со многими художниками страны. Нашим частым гостем был Саид Тахсин — художник, посвятивший свое творчество истории борьбы народа Сирии за независимость. Саид Тахсин был в составе делегации сторонников мира, побывавшей в Советском Союзе, и много рассказывал нам о своих впечатлениях, связанных с этой поездкой. Мы были в гостях у Саида Тахсина и получили в подарок на память об этом приятном посещении альбомы с репродукциями его работ.

Художник Шукари, осмотрев нашу выставку, пригласил нас на вернисаж своей. Мне особенно запомнились его тонкие, поэтичные пейзажи Дамаска.

Мы благодарны нашим сирийским коллегам и друзьям из смежных областей искусства за внимание к выставке.

Директор библиотеки Национального музея, очень занятый человек, Мунир Сулейман оказал нам большую помощь в организации выставки. Мы очень признательны ему также за интересную лекцию о советском изобразительном искусстве, которую он прочел в помещении клуба художников.

К этому юноше я подошел, когда он внимательно разглядывал картину художника Н. И. Осенева «Первое слово Советской власти», и попросил разрешения набросать его портрет. Солдат сразу вытянулся, как по команде «смирно», и застыл в этой напряженной позе, сколько ни просил я его на всех известных мне языках стоять более непринужденно.

Народ Сирии любит свою армию, проникнутую духом демократизма. Арабские фильмы, которые мы смотрели в Дамаске, снабжены эмблемой: солдат, печатая шаг, идет через экран. И каждый раз зрители неистово рукоплещут этой эмблеме.

Мы не увидели в этом проявления милитаристских настроений. Сирийская армия — залог той независимости, которую отстоял народ. Очевидно, поэтому так велика его любовь к своей армии.

О. Г. Верейский.
В ЦЕНТРЕ
ДАМАСКА.

«Огонек». 1956.

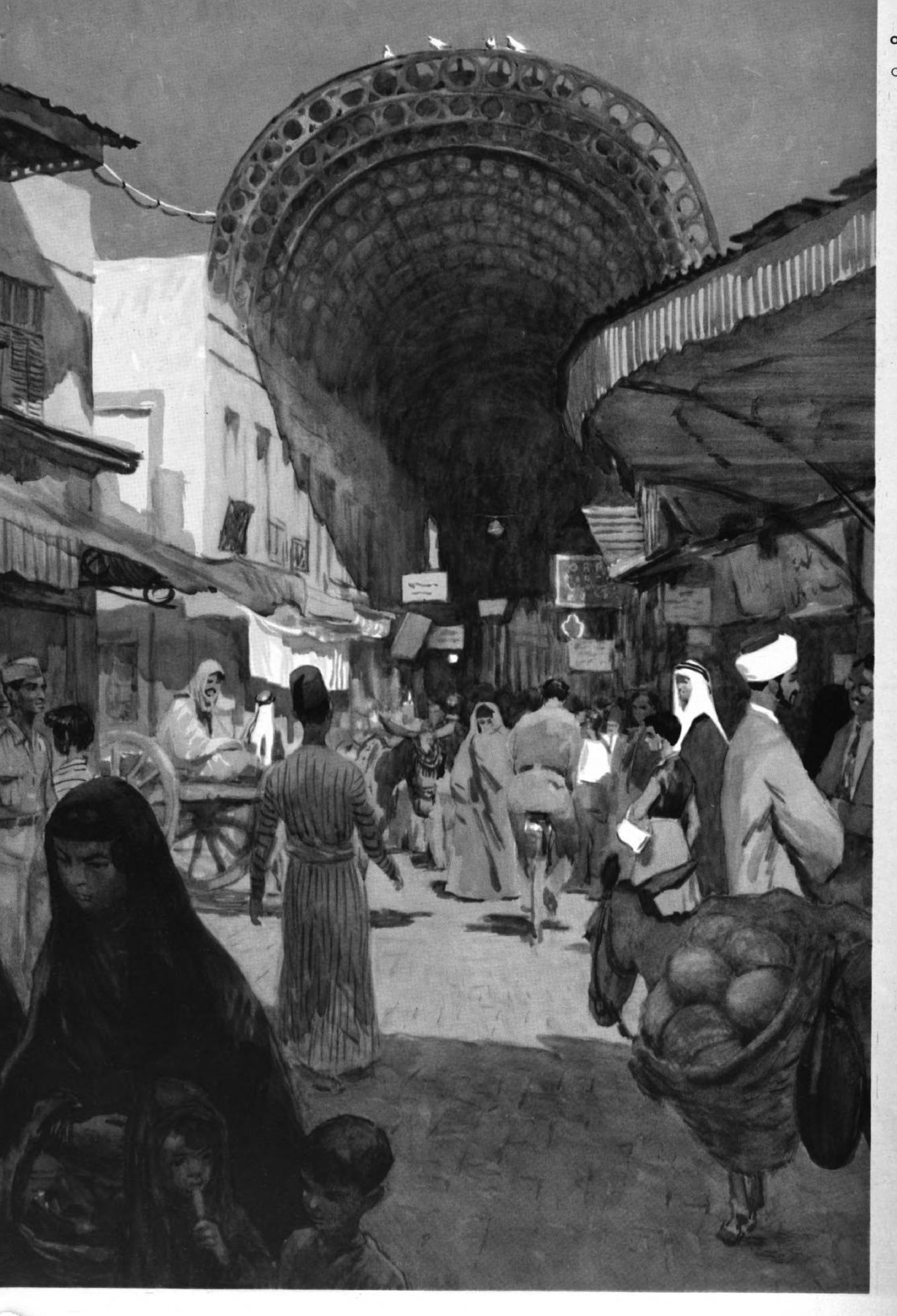

О. Г. Верейский.
НА ВЫСТАВКЕ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА.

У МЕЧЕТИ СУЛТАНА СЕЛИМА.

О. Г. Верейский. ОТДЫХ В ПУТИ.

О. Г. Верейский.
БАЗАР
СУК ХАМЕДИЕ.

ДЖАМИЛЕ.

Родители назвали ее Джамиле, что значит «красивая». Они рассказывали нам, смеясь, что в этом был известный риск. Мы ответили, что каждый араб может назвать новорожденную дочку Джамиле, риска почти нет: арабские женщины очень красивы.

Нас поразила плавная, горделивая походка сирийских женщин. Позже мы поняли ее происхождение. С малых лет женщина приучается носить на голове какую-нибудь ношу. Не раз в деревнях мы подолгу следили, как женщины несут от источника кувшины, наполненные до краев водой, несут без помощи рук, не расплескав ни одной капли. Не это ли и придало такую поразительную плавность их походке и движениям, стройность их осанке?

Джамиле показала нам значок с изображением голубя, приколотый к блузке. Мы видели много подобных значков. Несколько более странно выглядел такой значок приколотым к чадре. Но женщин, закрывающих лицо, в Сирии становится с каждым годом все меньше, да и чадра часто заменяется обычной, отнюдь не ритуальной вуалеткой.

В Дамасском университете из пяти тысяч студентов полторы тысячи девушек. Это немало. Женщины Сирии отстаивают свои права — они хотят работать и учиться наравне с мужчинами. Многие из них активно борются за мир.

— У нас, матерей, еще больше причин добиваться мира, чем у вас. Я не хочу, чтобы шестерых моих сыновей убили на войне, и хочу со временем найти женихов для всех пяти моих дочерей! — сказала нам как-то молодая арабская женщина, успевшая стать матерью большой семьи.

Большие семьи типичны для арабского дома. В одном из таких домов мы беседовали с почтенным хозяином, отцом и дедом многочисленного потомства. Семья была в сборе, и хозяин представил нам каждого ее члена, объясняя степень родства. Двухлетняя девочка весь вечер не слезала с его рук и нежно обнимала

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ.

шею старика. Мы спросили, кому из его детей принадлежит эта прелестная девочка.

— Как,— сказал он,— разве я забыл представить вам мою младшую дочь?

КАМЕНОТЕС.

Искусство каменотесов, гранильщиков камня, передается в Сирии из рода в род. Если проследить за развитием этих ремесел от истоков, то мы найдем их, быть может, в великолепном мастерстве каменотесов — строителей древней Пальмиры, осуществивших проекты римских архитекторов.

Мы видели, как под молотком араба, простого рабочего, возникают сложные витки будущей капители. Каменотес работал, сидя прямо на мостовой, без какого бы то ни было эскиза. Но результаты его труда поразили нас своим изяществом и точностью.

Мы долго разглядывали коринфские капители, стоящие прямо на земле в районе раскопок в Пальмире. Вблизи это кажется невероятным. Мастер делал сложнейшие узоры на камне даже там, где никто не мог их увидеть. И никто не увидел бы, если бы колонна не рухнула.

Пальмира — древнейший город Сирии, разрушенный в 273 году завоевателями. И теперь, много веков спустя, тысячи людей со всей земли приезжают в Сирию только для того, чтобы увидеть развалины Пальмиры. Как же красив, наверно, был этот древний город! Мы бродили среди его уцелевших портиков, мимо грандиозных колоннад, осматривали развалины великолепных храмов и думали: сколько поколений строило, украшало Пальмиру, и сколько еще поколений будет гордиться даже тем, что от нее осталось! У нашего спутника, арабского юноши, эти развалины вызвали другие ассоциации. Он знал только три русских слова и десяток французских и, помогая себе выразительными жестами, сказал: нельзя допускать новой войны — дома должны не обозреваться, как гробницы, в них должны жить люди, вокруг них должны играть дети... Не надо мертвых городов, как бы ни были живописны их развалины!

ПАЛЬМИРА.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Имя Ванды Василевской популярно в нашей стране. Ее знают миллионы читателей не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира. Только в Советском Союзе книги В. Василевской изданы тиражом свыше восьми миллионов экземпляров. Отдельные книги, такие, как «Радуга», «Просто любовь», переведены на десятки языков. Шеститомное собрание сочинений В. Василевской, выпущенное Гослитиздатом, еще раз свидетельствует о популярности писательницы.

Все произведения, вошедшие в шеститомное собрание, заново просмотрены автором. Впервые публикуются на русском языке повесть-репортаж «Облик дня», пьеса «Бартош-Гловацкий». Полностью печатаются роман «Когда загорится свет», «Страницы прошлого» — своеобразный дневник писательницы, помогающий воссоздать творческую историю ее произведений.

Мне не раз приходилось убеждаться в том, с каким интересом читают книги В. Василевской и в нашей стране и за рубежом.

Вспоминается одна из встреч на Всемирной Ассамблее Мира в Хельсинки в июне прошлого года. К нам подошел пожилой датчанин. Он рассказал о том, как был рад познакомиться с Вандой Василевской, услышать ее слово на ассамблее.

— Это настоящий художник, который помогает в сражении. Таким я ее и представлял,— сказал датчанин.

В годы гитлеровской оккупации датский делегат принимал участие в движении сопротивления. Повесть «Радуга» так взволновала датчан, что книгу стали размножать на шапирографе. Она переходила из рук в руки. Повесть рождала горячие симпатии к советским людям, сражавшимся против гитлеровцев.

На ассамблее нам довелось встретиться и с польскими делегатами. Надо было видеть, с каким воодушевлением они рассказывали о писательнице, о том, какую роль сыграли ее произведения в борьбе за освобождение польского народа, как они помогают сегодня в строительстве народной Польши.

Один из делегатов сказал тогда:

— Я старый читатель книг Ванды Василевской. Ее герои живут и борются. Они идут с нами, строят новую Польшу. Они всегда в строю, как и сама наша Ванда.

На страницах польских газет нередко можно прочитать письма польских рабочих, крестьян, интеллигентов с откликами на произведения Ванды Василевской. Крестьянка пишет о романе «Родина»: «Правдивая и ценная эта книжка о батрацкой жизни».

Когда перечитываешь все, что вошло в шеститомное собрание сочинений писательницы, невольно вспоминаются слова польского делегата на Всемирной Ассамблее Мира:

— Она всегда в строю!

Любимый герой Ванды Василевской — трудящийся человек, рабочий, батрак, крестьянин. Ему посвящает писательница лучшие страницы. После воссоединения западных областей Украины с Украинской ССР писательница обрела свою вторую родину в Советском Союзе. Здесь ее взволновал прежде всего простой советский человек.

«Я видела много изумительных, замечательных вещей на советской земле,— говорит писательница.— Видела и еще увижу стройки, заводы, плоды труда и энтузиазма.

Но относительно одного у меня нет ни малейших сомнений. Можно построить дворец и создать завод при помощи денег, техники, наемного труда. Та или другая страна в той или другой части света может ценой тех или иных усилий создать дома-колоссы, заводы-гиганты. Но человека, такого, как здесь, может создать и воспитать единственно и исключительно Советский Союз».

Значителен вклад Ванды Василевской в развитие польской литературы. Ее произведения занимают видное место и в развитии советской литературы. В дни войны книги В. Василевской помогали нашему народу в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Сегодня ее произведения помогают великому делу защиты мира, укреплению дружбы с братским народом Польши, со всеми народами.

В творчестве Ванды Василевской можно наметить два периода. Писательница начала свой творческий путь в панской Польше. В 30-х годах в варшавских газетах появились ее очерки, обратившие на себя внимание революционной страстностью, призывами к борьбе за свободу польского народа. В. Василевская принимает участие в революционном движении, ведет подпольную работу. В литературу она пришла как выразитель дум пролетариата.

Одним из первых крупных произведений В. Василевской является повесть «Облик дня». Ее появление было событием в польской литературе. В повести выведен образ польского пролетария Анатоля, возглавившего восстание рабочих. Герой полон большого мужества, веры в правоту народа, в успех борьбы польского пролетариата.

Последовавшие за повестью «Облик дня» романы «Родина» и «Земля в ярме» посвящены жизни польских батраков, крестьян.

Весной 1939 года В. Василевская закончила первую часть трилогии «Песнь над водами» — роман «Пламя на болотах», повествующий о борьбе украинского народа против белопольской военщины на Волыни.

В тяжелые для польского народа дни нашествия гитлеровцев советская граница, как образно сказала писательница, «сама двинулась навстречу» людям, которые из последних сил пробивались на восток, к великой стране социализма. В числе многих тысяч поляков, шедших на восток, была и Ванда Василевская. Она поселилась во Львове. С конца 1939 года начинается советский период творчества писательницы. Она принимает активное участие в строительстве новой жизни Западной Украины. Ее избирают депутатом Верховного Совета СССР. На страницах советской печати появляются страстные публицистические статьи В. Василевской. Одновременно она продолжает работу над второй книгой трилогии — романом «Звезды в озере», показывающим освобождение Западной Украины Советской Армией. Интересна судьба этого романа. Нашествие гитлеровских полчищ в июне 1941 года помешало писательнице закончить работу над книгой. Ванда Василевская уходила из Львова с последними частями Советской Армии. Один из друзей писательницы вложил рукопись в коробку от противогаза и спрятал ее в подвале. Только после освобождения Львова, в 1944 году, книга увидела свет.

С первых же дней Великой Отечественной войны В. Василевская ушла на фронт. Ее очерки, рассказы, статьи зовут бойцов на битву с гитлеровскими захватчиками. В суровый 1942 год В. Василевская создает повесть «Радуга». На примере жителей одной украинской деревни — партизанки Олены Костюк, бесстрашно идущей на смерть во имя освобождения Родины, колхозницы Грохачихи — убедительно раскрываются черты характера советских людей, их пламенный патриотизм, мужество. Книга выдержала десятки изданий.

Ванда Василевская принимает участие в создании Союза польских патриотов в СССР, Войска Польского, в работе Польского комитета национального освобождения. Позже писательница создает на этом материале заключительную часть трилогии — роман «Реки горят», в котором показаны изменения в сознании людей различного социального положения, рождение строителей новой Польши, братство советского и польского народов.

Раскрытию лучших качеств советского человека посвящены роман «Просто любовь» (1944 год) и вышедший в 1946 году роман «Когда загорится свет».

Особое место в собрании сочинений В. Василевской занимают рассказы, очерки, публицистические статьи. Многие из них посвящены проблемам социалистической морали.

Со всей страстью художника В. Василевская борется за мир, против новой войны. Она является членом Советского комитета защиты мира, Всемирного Совета Мира. Ее голос звучит на конференциях сторонников мира, на международных встречах представителей миролюбивых сил. Побывав во Франции, писательница создает книгу очерков «В Париже и вне Парижа», в которых показывает борьбу французского народа за мир. В 1955 году В. Василевская побывала в народном Китае, Индии, Бирме.

«Мы не от страха и не от слабости боремся против войны. Мы боремся против войны потому, что мы уважаем человека, уважаем жизнь, потому, что мы глубоко верим в право человека на жизнь и глубоко верим в счастливое будущее всего человечества». Эти слова сказала писательница, идущая в строю великой армии защитников мира.

Михаил КОТОВ

Ванда Василевская. Собрание сочинений в шести томах. Гослитиздат. Авторизованный перевод с польского Е. Усиевич. Издание осуществлено под редакцией С. Евгенова.

За Камой, за рекой...

Анатолий **КУДРЕЙКО**

Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА.**

Глухомань

Шевелит легонько плавниками,
окунаясь в омуте, звезда...
Улетела все-таки на Каме
тишина из хвойного гнезда!

Поседелый ухнет в чаще филин,
не поддержит эхо старика:
за рекою зарево плавилен,
лязг железа, свист паровика...

Нет, должно быть, только понаслышке
глухомань ты знаешь в тех краях,
где огонь сигнальный льется с вышки
даже на искусственных морях!

Упорство

Елью высь набита до отказа,
и ландшафт без всяческих прикрас
может смело с видами Кавказа
красотой померяться не раз.

Милое студенческое лето!
График ты вычерчиваешь свой...
Вот и едешь к доменщикам где-то,
например, в районе Чусовой.

Горная стремнина горделива,
кряжистый народ самолюбив...
Помогает в деле терпеливо
старикам-ученым коллектив.

И такие мастера найдутся,
что иной сойдет за колдуна:
как в работе руки разойдутся,
так весь клад повыберут до дна!

Домна вам докажет, полыхая,
свой солидный, многотрудный стаж;
здесь хорошей сделалась плохая
та руда, какой владеет кряж.

Словно дьявол пакостил проклятый:
зарастала шлаком, стыла печь,
открывали летку — туговатый
шлак не думал в шлаковозы течь.

Но призвали «дьявола» к порядку,
как на совещаньях говорят,
разгадали горную загадку —
и руда что надо, в аккурат!

Глаз не оторвать от ореола —
окружает печь он, засияв.
Черноту ножами распороло —
так сверкает в жёлобе расплав.

Про упорство говорить случится,
вспомню пламя летних вечеров
и скажу, что выдержке учиться
надо у плавильных мастеров!

Путь

Заманивал в леса Урала
меня, студенческих друзей
коварный поиск минерала,
земной причудливый музей.

Фарфоровые брал «бисквиты» —
пластинки для простейших проб,
и, запахами смол увитый,
я, как в воде, по веткам греб...

Я против живописной части
сам не имею ничего,
но чересчур уж много власти
у леса было одного!

За камень ель бралáсь когтями,
а камень спал тяжелым сном,
лежал надгробьем над костями,
арабским меченный письмом.

Я мусульманское кладбище
распознавал по письменам,
души лишенное жилище
лепилось к старым временам...

К аллаху души отлетели,
и на земле их след исчез,
где лес заботился о теле,
как о душе эфир небес...

Прошла электропередача,
а вот селенья нет примет,
и лес, а по-иному — «дача»,
вдруг погружался в синий цвет.

Но это озеро лесное
само не открывалось враз,—
казалось, кто-то за сосною
с тебя не сводит синих глаз...

И красное мелькало платье,
а поспешишь за ним вдогон,
и дикий мак летит в объятья —
он весь усеивает склон...

Дом лесника... Потом часами
ни птичьих песен, ни лучей,
лес наполнялся голосами
в камнях воркующих ключей...

Мешок тяжелый за спиною...
В глазах — темно... А крови ток
стучался в сердце с тишиною,
как бьет по камню молоток.

И вот по самоцветам ночи,
что загорались меж колонн
черневших сосен, озабочен,
я выходил на перегон.

Здесь прошибала тьму дорога,
и лес не смел к ней подойти,—
он сам отходит, если много
огня и света на пути.

Уралка

После всей суеты столичной
приютил меня на годок
деревянный, совсем обычный,
очень маленький городок.

Не блистая числом строений,
он терялся бы между гор,
если б не было отражений
в зеркалах его трех озер.

Как по штатному расписанью,
баня с фикусами была,
каланча и собора зданье,
потерявшее купола.

Малочисленность населенья
замечали тотчáс глаза.
Правил уличного движенья
не придерживалась коза.

Чуть не в пуд во дворах запоры —
и поднять их невмоготу!
И кидалась через заборы
вся черемуха, вся в цвету.

Где звала она молчаливо,
камни начисто погребя,
отыскал я приют счастливый
и поздравил с жильем себя.

Верно, нужен портрет хозяйки?
Раз ты счастлив, то хороша?..
Что ж, не будет в словах утайки:
замечательная душа!

Показалась тайги суровей —
ну, чего от старухи ждать?!
Отказала сначала в крове,
а потом заменила мать...

И пекла пироги с рябиной
и до ночи ждала меня,
зябко ежась под шалью длинной,
не гася на окне огня...

Так другой стороной своею
обернулся весь городок,
и нисколько не сожалею,
что забросило на годок.

Мы прощались навеки строго,
даже голос не выдавал...
А помчалась, пыля, дорога —
кто-то, словно сквозь ветер, звал.

Звездный свет заливал просторы,
человек стоял на свету,
где черемуха через заборы
перекинулась — вся в цвету...

Тарантас тараторил гулко,
пыль кружилась у колеса...
Малахитовая шкатулка —
зауральские небеса!

Лоси

Пронесся гудок басовитый
в краю, что лосиным слывет...
Пестрят валуны, и обвиты
сосною полотнища вод.

Но главное в слове, не скрою,
не этот извечный пейзаж,
хотя за величье седое
ты северу душу отдашь.

О царство смолистой тесины!
Грохочет на линии гром...

Скрывается табор лосиный,
ища тишины за бугром.

И зáполночь северным склонам,
наверно, совсем не до сна:
летит по крутым перегонам,
летит штабелями сосна.

И высь фонарями созвездий
слепит, как дорога, в ночи...
Не запах сосны на разъезде —
вдыхают дымок сохачи.

Река

Опять о Каме... Камушка-подруга!
Лесной шалаш и пепел от костра...
Спешит из мглы к поющим рекам юга
в лесах заночевавшая сестра.

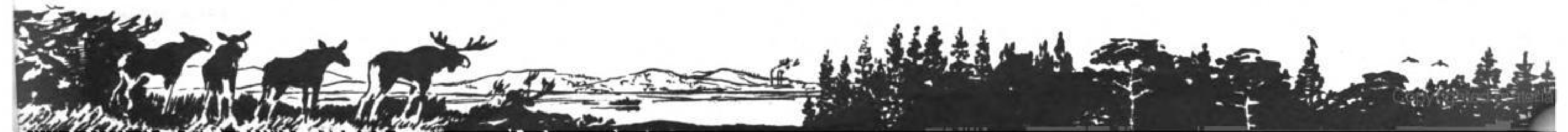
Она, должно быть, силы набиралась,
она и вправду стала хороша,
еще сурова, но уж явно малость,
сама светлеет, блики вороша.

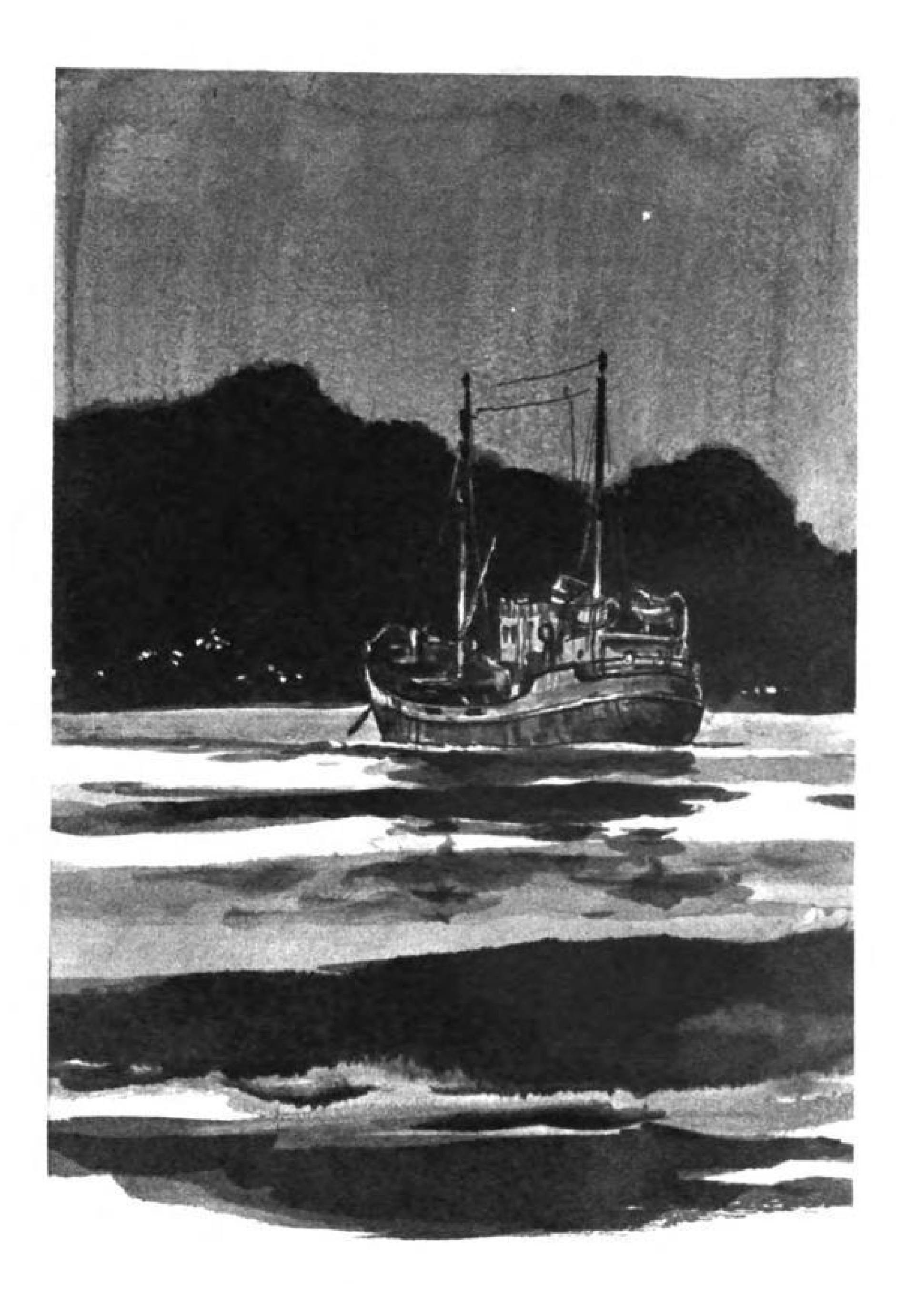
Ты в катерке окидываешь Каму,
от света щурясь под щитком руки...
Река лесную раздвигает раму —
и, что котлы, чадят Березники.

Высóко едут грузы над землею,
сверкает нить, видна издалека,
и, солнечной окутанные мглою,
стволами трубы входят в облака.

Относит башни, склады, вагонетки,
уходит в дымном мареве завод,
опять леса к воде склоняют ветки,
а Каму в путь степная даль зовет.

И снова встречи с тем, что будет внове,
что строилось в отпущенный нам срок...
Все не обнять вовеки в сжатом слове:
длина реки — ведь это сколько строк!

ЦВЕТНЫЕ ПАРУСА

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В один из солнечных дней, на которые так щедра природа юга, к нам на тральщик явились три девушки-студентки. Им предстояло проходить у нас практику в течение целого месяца.

Часто ли случается, что на судно попадает девушка? Ведь у нас не пассажирский теплоход, а тральщик, ведущий разведку рыбы.

Девушки пришлись нам по душе.

Одна из них, Зоя, была по-настоящему красива.

Саня, маленькая смуглая дивчина с грозной фамилией Перебейнос, заявила нам откровенно:

— Я ничего не боюсь. А боюсь только пауков и пьяных.

Таким образом, нас в вежливой форме попросили не пить.

А голубоглазая, полная Лиля Кожушко ни о чем не просила. Она держалась в тени, но, если нужно было, за словом в карман не лезла.

Народ на море не очень выдержанный: любят здесь выпить по случаю и без случая, пошуметь на берегу, удаль свою показать. У нас на тральщике дисциплина была твердая, а все же нет-нет, да и споткнется кто-либо из матросов.

А тут с нашими ребятами стало твориться что-то необъяснимое. Ходят такие тихие. Разговаривают между собой в высшей степени спокойно, чуть ли не на «вы», слов лишних не позволяют.

Моторист Федя Шкода, угловатый ленивый хлопец, злой на язык, стал работать у двигателя в брюках со «стрелками» и белоснежной майке. А на палубе показывался не иначе, как в костюме тонкой шерсти, благоухая одеколоном.

Но самое странное превращение произошло с матросом Костей Зубахиным. Его, статного, с широкой грудью и крепкими руками, природа силой не обидела. Сложением он хоть с кем мог поспорить. Красотой тоже.

Что говорить, у девушек Костя имел успех. Мигни он любой, и пойдет она за ним, как овечка. Мы-то уж наверное об этом знали.

Поначалу он и с Зоей вел себя так, будто ему все позволено. Но не вышло! Не пошла она за ним, как овечка.

Костя заскучал. По вечерам ходил убийственно трезвый. А в салоне, если только одновременно с нами обедали девушки, он ел красный перец ложками... На глазах у Кости выступали, как сказал наш радист, «слезы праведника, страдающего за веру». Но, тем не менее, он добросовестно разжевывал и глотал огненную приправу.

Зоя хохотала, обнажив белые зубы. Один из них рос чуть наискосок. Неровный, он придавал ее улыбке милое, робкое выражение.

А Костя старался пуще прежнего.

Как-то вечером катался он с девушками на шлюпке и нечаянно упал в воду. Вот когда вволю посмеялись! Костя тоже смеялся. Он вылез на судно, переоделся в чистый костюм и опять свалился со шлюпки. Свалился явно умышленно, чтобы вызвать благосклонный смех девушек.

Отличился и моторист Шкода. Покричав с берега шлюпку и не дождавшись ее, он, как был, в одежде, великолепной ласточкой прыгнул в море. В мае даже в бухте, близ берегов, вода была еще холодноватой. Разумеется, у борта стояли девушки.

— Скоморохи! — с сердцем сказал наш радист Митя Скворцов.— Ни капельки чувства собственного достоинства!

Зоя метнула на него быстрый взгляд и сразу прикусила губу. Ее подруги тоже перестали смеяться. В самом деле, чудачества ребят были не так уж смешны. Просто они не могли поразить девушек чем-то по-настоящему интересным.

Стояли мы в Керчи. По вечерам ходили в кино, в Зеленый театр, в приморские скверики. И случился у нас однажды спор из-за Лолиты Торрес, героини аргентинского фильма «Возраст любви».

— Красивая женщина,— сказал Митя Скворцов.— И как поет! Совершенно без напряжения. Голос льется, как соловьиная трель.

— Она не красивая,— возразила Зоя.— Она привлекательная, ну, симпатичная...

Конечно, Костя поддержал Зою.

— Что за красавица! — усмехнулся он.— У нее нос не тот... не римский...

— Да,— сказала Зоя,— красота предполагает правильные черты лица. Античные формы...

Митя не дал ей договорить и с неожиданной запальчивостью возразил:

— Я понимаю красоту не только как внешнее совершенство. Красота для меня — это, если можно так выразиться, комплекс качеств душевных, физических, качеств ума... Красота не терпит какого-либо изъяна. Иначе какая же это красота?

Мы шли из кино по центральной улице; на нас оглядывались, обходили стороной.

В общем, Зоя опять что-то говорила о правильных чертах лица, и Скворцов, рассердившись, буркнул:

— Тогда ищите красоту в геометрии.

— А что ж, Пушкин говорил...

— Вот-вот. По совету Пушкина.

Зоя обиделась. В этот вечер она не сказала Мите ни слова.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день мы встретили Костю, совершенно расстроенного, в городском скверике!

— Вы знаете, о чем он ей говорил?! — воскликнул Костя с горьким недоумением.

— Кто, кому?

— Да Скворцов Зое. Они стояли вот тут, около бассейна с гусем, и он толковал ей о каких-то пупырышках и рыбках. А она слушала, разинув рот. Даже меня не замечала. А потом говорит, что идет в кино, у нее лиш-

ний билет: Лилька, мол, как водится, не пришла. Ну, и предложила Мите компанию...

Не в силах продолжать, Костя растерянно махнул рукой.

— Он, конечно, пошел? — попытались мы подсказать.

— В том-то и дело, что не пошел,— ответил Костя: «Да нет, говорит, что-то не хочется». Я вот не пойму, братцы: то ли он краб непутевый, то ли воображает о себе много. Такая девка!

Кто-то из нас сказал:

— Да, может, потому он и не пошел, что для тебя она «такая девка», а для него обыкновенная девушка, и не обязан же он по первому зову бежать за ней сломя голову!

Кто-то вставил, что Митя женат, что у него сын...

Костя презрительно покривил губы.

— Мало чего, женат! А где его жена? За тыщу верст?..

Нас заинтересовали пупырышки, о которых говорил Костя. Мы гурьбой подошли к бассейну. Посредине него, в воде, были горкой навалены камни. На камнях возвышался цементный гусь. Из его клюва бил фонтан; по его спине, выложенной осколками бутылочного стекла, лилась вода и струйкой сбегала с хвоста. Прилетел воробей и, задрав клювик, торопливо напился.

В бассейне плавали нежнейших расцветок рыбки. А стенки бассейна в самом деле были усеяны серебристыми, розовыми, зелеными, белыми пупырышками, похожими на росу. Это было здорово! Раньше нам не было до этого никакого дела, как не было дела до кислых физиономий львов, придавленных огромной бетонной чашей в скверике поодаль, как не было дела до воробья, прилетевшего к гусю полакомиться пресной водичкой.

Видно, у Мити Скворцова, у этого конопатого радиста-всезнайки, глаза смотрели на мир пристальней, а сердце было помягче, чем у нас. Митино сердце могли трогать все эти пустячки. И Зоя слушала Митю охотно, даже позабыв обиды.

— Помяните мое слово,— очень медленно и очень торжественно сказал Костя Зубахин,— я Зойку приручу. Шелковая станет.

Уже по первому впечатлению мы могли сказать, что у Зои Купавиной характер цельный, крепкий, не то что у костиных случайных подруг, и она не поддастся дешевым чарам нашего корабельного сердцееда. Поэтому кое-кто из нас пожал плечами, а в общем мы промолчали.

Ранним утром, когда мы шли на траверзе Новороссийска, Зоя выбежала на палубу. Она была в просторных брюках из чертовой кожи и в шелковой блузе с закатанными рукавами. Видно, занималась в салоне уборкой.

Девушка взяла ведро со шкертом и вдруг выбросила его по ходу судна. Вода мгновенно рванула ведро, и Зоя упала грудью на планшир. Костя, как молния, метнулся к ней, схватил за талию, а свободной рукой удержал шкерт.

Зоя тяжело дышала и с недоумением, не смея поднять голову, смотрела на свою изодранную до крови руку.

— Спасибо,— сказала она еле слышно,— чуть не искупалась.

— Чуть под винт не попала,— поправил ее Костя, напуганный не меньше Зои.— Ведро нужно бросать против хода судна. Да и ногами нужно крепче упираться.

— Спасибо тебе, Костя...— взволнованно повторила девушка.

Вечером мы зашли в порт. Не успели как следует закрепить швартовы, а Костя с Зоей уже были на берегу.

Федя Шкода даже позеленел от досады. Долго он слонялся по судну, пихнул ногой злополучное ведро, оказавшееся на его пути, и вдруг сел на палубу.

— Д-да! — сказал он коротко, одним выдохом.— Теперь Зоя без ума от него. Как же, герой! Спаситель! В кино, должно быть, пошли...

— Ничуть она не без ума,— возразил кто-то,— просто она из благодарности...

После этого случая девушкам вообще нельзя было подойти к борту с ведром. Лиля Кожушко даже поссорилась с ребятами из-за этого. А Зоя принимала нашу помощь как должное. И особенно от Кости.

Костя нравился Зое, это было вне сомнений. Ну что ж... Это еще ничего не значило.

Мы не без интереса наблюдали за тем, как девушки переносят качку. Признаться, мы ожидали увидеть самое худшее: зеленые от слабости лица, подавленное настроение, даже слезы... Мы уже намеревались злорадно упрекнуть их: ага, то-то же, не ваше это дело — по морям ходить! Выбирали бы себе профессию поспокойней.

Не тут-то было! Умные оказались девчата. Они даже к неразрешимой, казалось бы, проблеме морской качки подошли по-научному.

Лиля Кожушко училась на судостроительном факультете. Она объяснила подружкам-ихтиологам:

— Самое главное — определить, где на судне находится диаметральная плоскость. Сиди на этой плоскости — и никакой тебя шторм не укачает.

«Диаметральная плоскость», если верить Лиле, была в центре палубы, между кормовой надстройкой и аппаратной гидроакустиков. Качало здесь, в самом деле, меньше.

Девушки собирались на «диаметральной плоскости» и читали свои конспекты, Лиля корпела над чертежами. Слабенькая Саня Перебейнос, жалобно морща лицо, говорила:

— Девочки, это ничего, что штормит, но почему небо качается? Раздерганное какое-то небо, а?..

Обычно и Костя старался держаться поближе к «диаметральной плоскости» — что-нибудь красил или строгал весла.

Однажды Зоя лукаво сказала, будто не заметив его:

— Хорошо Костя по ночам поет, когда на вахте стоит! Заслушаешься!

— Как испанский кабальеро,— прыснула в ладошки Саня.— Только что не под балконом, а над иллюминатором.

— Хорошо поет! — подтвердила Лиля, и в голосе ее послышался язвительный оттенок.— Да беда, что песни у него длинные.

Зоя покраснела и потупила глаза — серые, большие, опушенные густыми ресницами. Около маленького рта дрогнула маленькая яркая родинка.

Костя перестал петь серенады. В конечном счете соловьиные эти упражнения были ему внове. Он привык действовать решительнее. И лишь понимая, что перед ним не тот «противник», он снизошел до классического, старого, как мир, приема. Ну и что хорошего? Засмеяли ведь!

Как-то вечером тральщик лежал в дрейфе на траверзе Сочи. Костя долго стоял с Купавиной возле кубрика. Он смотрел ей в глаза. И она смотрела ему в глаза. Они о чем-то говорили: Костя глуховато и зло, Зоя неторопливо и раздумчиво. А потом она ушла в каюту, и Костя последовал за ней.

А мы все сидели на палубе. В девичью каюту нам не велено было заходить. Так распорядился капитан. Костя нарушил запрет. Понятно, что мы насторожились.

Вскоре из открытого люка донеслись голоса.

— Уйдите,— сухо сказала Зоя. Резко скрипнули пружины. Наверное, Зоя взобралась на свою верхнюю койку.— Уйдите! Я закричу!

— Но ты же... ты же... чего ты хочешь? — растерянно и глухо пробормотал Костя.

— Вот именно,— уже мягче ответила Зоя,— чего ты, Костя, хочешь? Я к тебе отношусь по-дружески. Н-ну, скажу больше: ты мне нравишься... внешне. Я тебе обязана... Ты, конечно, помнишь, о чем я говорю?

— Пустяки,— пробормотал Костя.

— Но только, милый, смешной Костя, я тебе не давала повода загонять меня в угол и размахивать руками. У тебя дурные манеры.

Долгое время в каюте стояла тишина. Мы тоже молчали, радуясь тому, что Зоя так «отшила» нашего товарища. Поделом ему!

Наконец в каюте хрипло прозвучало:

— Ну, ты слазь оттуда. Не подумай, что я такой зверь. Не съем.

— А кто тебя знает,— со вздохом ответила Зоя, и слышно было, как она спрыгнула с койки,— может, и съешь. Я тебе, знаешь, перестала доверять.

Лиля покачала головой и улыбнулась:

— Зойка чудит. Темпераментный ведь кавалер, столько огня, такая экспрессия,— и вот, пожалуйте, отказ!

Мы засмеялись. Ох, эта Лиля была шпилька!

Выходя из каюты, Костя столкнулся с мотористом Шкодой.

— Что, сорвалось? — вежливо полюбопытствовал Шкода.

Костя молча схватил его за отвороты пиджачка и рванул к себе.

— Хочешь, морду набью? Запросто, в два счета!

Мы вскочили на ноги. Федя натужно покрутил шеей, сжатой воротником пиджачка.

— Не сомневаюсь в твоих способностях,— сдавленно сказал он.— Только зачем же бить мне морду?

Костя оттолкнул моториста и пошел прочь. Лиля храбро крикнула:

— Спокойной ночи, Костя!

— Спокойной ночи,— хмуро отозвался тот, хотя мы-то спать еще не собирались.

Повернувшись к нам, Лиля заметила:

— Несомненно, в его мозгу сместились какие-то атомы. Теперь он будет более трезво оценивать вещи и явления. А, Саня? Ты не думаешь?

— Более трезво... да,— сонно мурлыкнула Саня.— Ребята вот говорят, что он почти перестал пить.

Уже совсем стемнело, стало прохладно. Подошла к нам Зоя, села рядом. Мы укрыли всех девчат одним тулупом (в зимние ночи его надевали вахтенные).

Ласково плескались волны. Море едва угадывалось в сумеречной дымке. Берегов не было видно. Не было ни восхода, ни заката, ни тонов, ни оттенков, и звезды тоже были скрыты низкими невидимыми облаками. Но почему-то было так хорошо — от близости моря, от низких облаков, оттого, что не видно берегов; и, наверное, оттого, что рядом девушки...

Митя Скворцов, аккомпанируя себе на гитаре, не пропел, а прочел неизвестные нам стихи, в которых говорилось о далеких странах, зеленых просторах и цветных парусах. Он читал глуховато, и слова стихотворения — каждое само по себе — казались монотонными, тягучими. Но все вместе они почему-то заставили нас сидеть не дыша...

Мы никогда не видели цветных парусов. Мы даже не догадывались, что такие бывают. Да и бывают ли? Но были они или нет — все равно, нам их хотелось увидеть.

Зоя стряхнула с плеч жаркий тулуп и села около Мити, на ящике с песком.

— Прочтите еще что-нибудь, Митя,— попросила она.— Кто это?

— Я не знаю. Услышал случайно, на одном вечере. И запомнил,— неохотно ответил Скворцов. Читать он больше не стал: не любил, когда его просили.

— Ну и ладно! — махнул рукой Шкода и деловито предложил: — На камбузе есть компот. Реализуем?

Мы выпили компот. Выбрали и съели сливы, какие получше.

Шкода раздобыл хамсы, редиски и дыню. Он запасся этим добром еще в Керчи. Съели мы хамсу, редиску и дыню.

В ночном этом пиршестве, где поначалу пили компот, а уж затем принялись за хамсу с дыней, было что-то веселое, озорное... И нам особенно приятно было, что красивые девушки, московские студентки, не стесняясь, разделили бестолковую нашу трапезу. Может, потому они стали нам как-то ближе, понятней.

Долго мы еще смеялись, шутили, и Зоя по-прежнему сидела на ящике с песком, чуть касаясь обнаженной рукой грубого сукна митиной фланелевки.

Был он невзрачный на вид, наш Митя. С Костей ни в какое сравнение не шел. Но мы любили радиста. Он много знал, с ним приятно было побродить по любому портовому городу или посидеть просто так, молча... Нам казалось, что даже Зоя смотрит на него как-то по-особому, пристальней, что ли, и серьезней...

Дни меж тем проходили.

Однажды Зоя стояла на мостике и наблюдала в бинокль за морем. Пестрый эстонский свитер облегал ее сухощавую фигурку, и на воротнике, около смуглой шеи, мерцала круглая брошь из матового серебра. На броши был затейливо вырезан ажурный орнамент. Брошь не шла к пестрому, в чередующихся зеленых и красных узорах свитеру, но она как бы смиряла буйство его красок.

С палубы не было видно зоиных глаз, за-

крытых биноклем. Может быть, от бинокля да еще от надменно сжатых губ, от мальчишеских беспорядочных кудрей лицо девушки приобрело решительность и властность. На мостике стояла уже не Зойка Купавина с четвертого курса рыбного института. Нет, это был адмирал. Открыватель новых земель. Капитан Кук в цветастом эстонском свитере.

Но вот бинокль сверкнул линзами над палубой, прошелся по Косте, который плел маты, развесив их на вантах, по выутюженному Феде, отстоявшему свою вахту, и задержался на Мите Скворцове.

Тогда Митя вскинул голову и, щуря на солнце глаза, весело сказал:

— Что вы на меня так смотрите, Зоя? Я же не ставрида на вскиде!

Даже нам на палубе было видно, как запылали щеки Зои. Она — уже не адмирал, а просто Зойка Купавина — не нашлась, что ответить. Только беспомощно улыбнулась. Такая же улыбка тронула ее лицо, когда утром она впервые увидела фотографию сына Скворцова — двухлетнего Жени.

На голове Жени была нахлобучена громадная мичманка с «крабом», в руках он еле держал бинокль. Надпись на обороте гласила: «Женя-капитан».

— Вон как,— сказала Зоя, и веник мягко упал к ее ногам,— у Мити сын! Какой славный малыш!

Губы у девушки дрогнули, и дрогнула родинка около рта. Зоя медленно повернулась и пошла вверх по трапу, задевая носком туфель медные полоски ступенек. И если мы раньше могли только смутно подозревать, то теперь сомнений не было: Зое не безразличен был наш конопатый радист.

К вечеру разгулялся ветер. Мы повернули в Сочи.

Вверху плыли клочья облаков. Их ломаные, раздерганные края осветило предзакатное солнце, и над нами заполыхали неисчезающие, будто приклеенные к небу молнии. Их отблеск лег на море — темносинее у горизонта, постепенно выцветающее, почти салатно-голубое у берегов. И море неутомимо погнало к берегу пурпуровые, шафранные, золотистые валы.

Мы входили в порт. Было холодно: пламенная раскраска неба не согревала. Молнии не жгли.

Не всем сразу удалось сойти на берег. Предстояло кое-что сделать по хозяйству. Из матросов старпом отпустил одного лишь Костю. С ним на волнорез спрыгнули девушки, Федя Шкода и гидроакустики.

Мы помахали им беретами, они нам тоже помахали, и вскоре шумной ватаги не стало видно за высоко брызжущими волнами прибоя.

Но через несколько минут из облака брызг, повисших над волнорезом, выбежала мокрая, взъерошенная Зоя. Легкое крепдешиновое платье в фантастических цветах облепило ее.

— Что же вы вернулись? — выйдя из радиорубки, спросил Скворцов.

— Вот... вернулась,— ответила она, вздрагивая.— Бр-р!.. Холод какой!..

И лишь когда она вышла на палубу переодетой, в рабочем костюмчике из чертовой кожи, мы узнали истинную причину ее возвращения. Девушка пожаловалась:

— Ребята обидели нас.

Мы ничего не поняли. Скворцов пожал плечами.

— То есть?

— Этот акустик, что с бородой, сказал: «Вот, Костя, ты пойдешь с Зоей, а Саня с Федей, а Лиля — со мной». Ну, он как будто шутя сказал, девушки засмеялись...— Зоя помолчала и вдруг резко вскинула голову: — А я не хочу, чтобы мной распоряжались вот так...

Вскоре вернулся Костя с девушками. Шкода и акустики остались на берегу.

Костя был слегка навеселе. Ни на кого не глядя, он прошел в салон и за ужином глотал перец ложками. Но в добровольной этой пытке было не столько привычной потехи, сколько жалкого самоотвержения. Во всяком случае, ни Саня, ни Лиля, грустно уткнувшись в тарелки, даже не подумали улыбнуться.

Когда девушки вышли из салона, Лиля сказала подруге:

— Костя сгорит из-за нее. Должна же Зойка понять, в конце концов! И притом в этой глу-

пой истории нет костиной вины. Акустика вот черт дернул...
— Ты, как всегда, язвишь,— нехотя улыбнулась Саня.
— Нет. Я говорю совершенно серьезно. Костю мне что-то становится жалко.
Месяц подходил к концу. В Сухуми нужно было высадить девушек на берег. Чувствовали мы себя неважно. Они — тоже.
Во многом они могли упрекнуть нас. В общем-то, мы были не такими уж деликатными людьми.
Целый месяц девушки резали тупыми ножами рыбу и смотрели, что у нее в желудках. Это была чуть ли не главная статья их практики. (Впрочем, Лиля рыбой не интересовалась, ее занимали такелаж, шпангоуты, траловые механизмы.) Кроме того, девушки убирали в кубриках и каютах, предоставив нам палубу и медяшки. Они завалили тральщик приторно пахнущими ветвями маслины, и в кубриках у нас благоухало, как в магазинах «ТЭЖЭ».
Девушки пели нам вечерами задорные студенческие песни или играли на гитаре медлительные танцы.
И держали они себя строго. Пожалуй, это последнее обстоятельство вызывало у нас особое к ним уважение.
И даже Костя Зубахин сказал однажды скучным голосом:
— Надо бы подарить им что-то на память. Такое... морское... чтобы...
И отвел взгляд.
«Такого морского» мы сразу и придумать не смогли. Тогда Костя развил свою мысль:
— В Сухуми, в старых доках, есть рапана. Она хорошо пойдет на дохлую рыбу. Но придется посидеть.
Рапана! Этот брюхоногий моллюск, тихоокеанский житель, появился в Черном море лет восемь назад и размножился в количествах невероятных. У берегов Кавказа он поел всех мидий и разорил устричные банки. И все-таки достать раковину рапаны было не так легко. На базаре хорошая раковина стоила денег.
Раковина рапаны была великолепна. Она отливала внутри ослепительно оранжевым, с прожилками цветом. Лучший подарок девушкам трудно было придумать.
Конечно, мы обрадовались предложению Кости. Приготовили подсаки, запаслись рыбой...
Ночью пришли в Сухуми.
Светила полная луна. И наплывала на нее туча. Она шла от Сухуми, закрыв плотным своим шатром половину города, черная, душная... Туча клубилась адово-черным дымом, но казалось, из недр своих она вот-вот вывернет огненные валы — и красный, и купоросно-синий, и серно-желтый... Туча наплывала на бутафорский диск луны всеми немыслимыми красками, какие она в себе таила.
— Какая тревога в воздухе! Что-то случится,— прошептала Лиля.
— Вы уедете, вот что случится,— пояснил Скворцов.— По сему случаю в природе разыгрывается мистерия.
Он хотел улыбнуться, но улыбка не получилась. А может, мы просто ее не увидели. Все-таки было темно!
У Зои возбужденно посверкивали глаза.
— Если бы я могла, я бы сочинила песню,— сказала она,— или стихи. Про эту ночь, про необыкновенную тучу и... и про цветные паруса.
А Саня только вздохнула.
Пошел дождь, крупный, теплый. Там, где свет луны пробивался сквозь тучу или скользил над ней, во тьме внезапно вспыхивали бирюзовые нити дождя. Они казались хрупкими, как стеклярус. Ночь была наполнена шорохом и треском — это ломались, падая в море, копья дождинок.
Девушки убежали в каюту. Но мы остались под дождем. Конечно, на дождь мы не рассчитывали. Но что поделаешь!..
Мы спустили за борт шлюпку. В ней заплескалась вода. Еще днем боцман расковырял пазы, меняя в шлюпке конопатку. Видно, дела до конца он не довел.
Идти к докам вызвался Костя. Два — три взмаха весел — и его не стало видно: лил дождь.
Мы долго его ожидали. Он пришел часа через два. Шлюпка почти до половины была залита водой.
— Черт,— сказал Костя, выбросив на палубу подсак,— шлюпка-то течет не на шутку! Намаялся я с ней!
Он поймал ведро, брошенное нами, и остервенело принялся вычерпывать воду.
— А как же рапаны? — забеспокоились мы.
Костя ответил не сразу:
— Рапаны! Какой бес поселил их там... Одну вот кое-как выудил. Дождь...
Мы и сами видели, что дождь. Мог бы не оправдываться.
Скворцов неожиданно потерял свою выдержку.
— Так дело не пойдет,— сердито заявил он.— Что ж, предложим девчатам жребий тянуть?
Костя молчал. Мы тоже молчали.
— Вылезай,— сказал Скворцов.— Вылезай, я сам пойду.
— Впору утонуть,— угрюмо предупредил Костя.— Шлюпка ненадежная.
— Вылезай, не тяни время! — Скворцов перегнулся, схватил намокшего, скользкого Костю за шиворот и помог ему взобраться на штормтрап.
Мы не спали всю ночь. Изредка радист мигал нам фонариком. Значит, все в порядке.
Как Митя ловил этих рапан, может, наживку другую приспособил или хитрость какую применил, но только на рассвете взобрался он на борт, раздутый, как бочка. За отворотом его бушлата торчали корявые раковины рапан. Их было несколько — все отборные, крупные.
Митя устало улыбнулся и провел рукой по лицу, стирая дождевые струйки.
Моллюски ни за что не хотели вылезать из уютных раковин. Мы поддевали их вилками и тащили наружу что было силы, но они только слегка растягивались, как резиновые.
— Постойте,— сказал Федя Шкода.— Тут, я вижу, без механизации не обойтись.
Он принес из машины паяльную лампу и на ее огне почти довел до кипения ведро воды.
Мы бросили рапан в кипяток и уж потом, минут через десять, легко выпотрошили раковины. Но это была только половина дела. Снаружи на раковинах образовались известковые напластования, они обросли водорослями и донными паразитами.
Вот когда пошла работа! Мы оттирали их стальными щетками, наждачной бумагой, скребли ножами. Затем покрыли лаком. Даже сверху они оказались самой разнообразной расцветки — коричневые, желтые, белые с красной искрой, с прозеленью...
Утром девушки не могли отвести от раковин и от нас восхищенных, благодарных взоров. Конечно, девушки не догадывались, какая беспокойная у нас была ночь. Зачем им об этом знать?!.
Прощание было грустным.
Наскоро законопаченная шлюпка низко осела в воде, волны качали ее, и протянутые для пожатия руки девушек то и дело вырывались из наших.
У Зои было растерянное, жалкое лицо; она старалась не смотреть никому в глаза. Лиля хмурилась, сводила к переносице выгоревшие белесые брови. А робкая Саня вдруг заговорила от имени всех:
— Спасибо вам, товарищ капитан, и вам, товарищи механики, и всем вам, мальчики, спасибо. За ваше внимание, за вашу дружбу!
«Мальчикам» было так, словно они и в самом деле превратились в мальчиков: что-то горячее подступало к горлу, мешало дышать.
Но вот наконец Костя спрыгнул в шлюпку (он был вахтенным) и оттолкнул ее от борта.
Тральщик вздрогнул от рева тифона. Троекратный могучий гудок потряс берега Сухуми. Мы провожали девушек салютом, как провожали бы друзей-мореходов, деливших с нами радости и печали трудного рейса.
Когда Костя вернулся, он сразу же подошел к Скворцову.
— Купавина велела передать тебе,— начал он официально,— что она ошибалась в том споре... помнишь... о красоте.
— Ого! Я, правду сказать, не ожидал: она ведь упрямая,— произнес Скворцов, смутившись.
Вдруг он круто повернулся и ушел в рубку.
А Костя всматривался в берег и до белизны в суставах сжал пальцами край планшира.
— Они плакали! — глухо уронил он.
Плакали... Ничего ведь, в сущности, за эти дни не произошло — ни горького, ни радостного... Почему они плакали? Может, о комнибудь из нас — о Косте, о Мите, о веселом мотористе Феде? О нашей дружной компании? Или о цветных парусах, которых так и не увидели?

Папе на полюс

В передней раздался продолжительный звонок. Юра побежал к двери: он знал — так звонит только почтальон.
— Вот вам, молодой человек, письмо от папы, с полюса,— сказала девушка, протягивая конверт.
— Спасибо, спасибо...— Мальчик опрометью бросился в комнату.— Мама! Бабушка! Письмо от папы!
Папа — это Алексей Сергеевич Гаврилов, врач научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс-5». Недавно Юра видел отца на фотографии, которая напечатана в журнале «Огонек» № 46 за 1955 год,— Алексей Сергеевич кормит молоком медвежонка.
Юра Гаврилов занимается в первом классе, но про Северный полюс знает «не хуже взрослых».
Однажды ребята попросили его:
— Расскажи нам, где твой отец.
Юра подошел к большому глобусу, что стоял на столе, взобрался на стул и показал.
И хотя это очень далеко, но туда можно дать телеграмму из любого почтового отделения. Недавно юрина мать позвонила на телеграф:
— Примите, пожалуйста, телеграмму: «Станция Северный полюс-5. Гаврилову».
— А какая это область? — спросила по привычке телеграфистка.
— Область вечных снегов,— ответила Юлия Евгеньевна, и обе рассмеялись.
В начале каждого месяца летит на полюс самолет с письмами и посылками полярникам. В одной из таких посылок Юра послал отцу веточку вечнозеленого самшита и модель дизель-электрохода «Обь», ушедшего в Антарктику. В той же посылке было и «говорящее письмо», на котором записан голос мальчика.

— Здесь мой папа!

Так Юра разговаривает и переписывается с отцом, находящимся на Северном полюсе.

А. СТАНОВОВ

Клод, Мишель и мы

Галина ШЕРГОВА

Французские студенты Мишель О'Кутюрье (слева) и Клод Фриу в общежитии МГУ.
Фото Р. Лихач.

Больше всего Клод Фриу «похож на француза» на фотографии в парижской газете, где помещен его рассказ о жизни французских студентов в СССР. Там, на снимке, он черноволосый, с тонкими усиками, стоит непринужденно (истинно по-французски), опираясь на парапет. На самом же деле голова Клода золотится, усиков нет и в помине, что же касается манеры держаться, то Клода не отличишь от любого другого студента МГУ, а его непринужденность — общая непринужденность молодости.

Когда я позвонила в общежитие на Ленинских горах и попросила Фриу к телефону, дежурная спросила: «Из какой страны?» Такой вопрос вполне закономерен: ведь в МГУ учатся студенты из разных концов земли. Приехали к нам и французы из парижского высшего учебного заведения, именуемого Эколь Нормаль,— Клод Фриу и Мишель О'Кутюрье.

Они поселились в смежных комнатах, и когда я пришла к ним, Клод деловито продемонстрировал «оснащение»: книги, посуду, чайник,— заявив при этом, что из МГУ можно не выходить месяц: все тут есть.

Потом он рассказал вот что:

— Впишем ли мы с Мишелем новую страницу в историю науки Франции и даже в историю Эколь Нормаль, неизвестно. Но одно новшество в этом вопросе за нами есть: мы были первыми кандидатами в Эколь Нормаль, поступавшими туда со знанием русского языка. Шансы Мишеля и мои были не равны. Ему легко: у него мать — чешка, Мишель с детства говорит по-чешски, да к тому же он вместе с отцом, корреспондентом Франс пресс, жил после войны в СССР. Со мной дело обстояло куда хуже. Два последних класса лицея, когда я изучал язык, плюс энтузиазм — вот и весь мой «русский багаж».

Но как бы то ни было, поступили мы оба, и оба были направлены в Московский университет на практику. С этого момента и начинается очень интересная эпоха нашей жизни.

Перед отъездом в СССР мы столкнулись с разнообразными чувствами пылких друзей и недоверчивых родственников. Одни завидовали, другие вздыхали: «Бедняги, они будут там изолированы! Ни один русский не рискнет подойти к ним».

Опасения по поводу «изоляции» действительно оправдались. На первом же перерыве между лекциями мы оказались «изолированными» от всего внешнего мира... плотным кольцом советских студентов, которые, окружив нас, начали забрасывать таким количеством вопросов и советов, что я даже приуныл: мой русский язык был явно беден, чтобы ответить всем.

Через неделю мы уже дружили с однокурсниками — студентами отделения русской литературы, и с теми, кто изучал литературу Франции.

Теперь надо было выбирать темы для работ. Мишель решил заняться советской поэзией первых лет революции. Я остановился на «Окнах РОСТА» Маяковского. Мой выбор был не случаен: сейчас во Франции очень важна боевая поэзия, и опыт Маяковского, еще мало известный там, может быть крайне полезен.

Во французских вузах не распространен метод семинаров с обсуждением работ отдельных студентов и метод индивидуальных консультаций. Поэтому неожиданным и приятным был разбор наших работ товарищами — требовательными и беспристрастными. О преподавателях я уже не говорю. Доцент В. Д. Дувакин и преподаватель А. Д. Синявский стали не только моими наставниками, но и старшими товарищами. Их домашние библиотеки были в моем распоряжении, оба никогда не жалели времени для бесед.

И еще одно советское новшество открылось нам. Я говорю о диспутах и встречах с писателями. Можно было подумать, что проблемы советской литературы — личное дело каждого студента. Так горячо они выступали! Вначале мы только слушали. Но на диспуте по спектаклю «Баня», где присутствовали постановщики из Театра сатиры, я, расхрабрившись, тоже поднялся на трибуну...

Наступило лето, и мы вместе с университетскими друзьями путешествовали по Подмосковью, посещая музеи-усадьбы русских писателей. Вагон электрички сотрясался от дружного хохота, когда мы читали вслух Ильфа и Петрова, коротая дорогу, и никто из пассажиров не мог заподозрить в нас иностранцев: смех звучит одинаково на всех языках.

Как всегда, посещения мемориальных мест волнующи.

Мы оба — Мишель и я — с детства любим Толстого. Надо сказать, Толстой вообще очень популярен во Франции. Поэтому легко представить, что переживали мы, бродя по парку Ясной Поляны, где все населено толстовскими словами,— они смотрели на нас с досок, укрепленных то тут, то там. Знаменитый дуб шелестел над нашей головой, как некогда над толстовским героем.

Мы заночевали на холме у костра и снова говорили о Толстом, точно прислушиваясь к грохоту Бородинской битвы, воскрешенной в доме за парком.

Лето завершилось отличной поездкой по Советскому Союзу. Для меня поездка была радостной вдвойне: прилетела из Парижа моя жена Ивонна. Она преподаватель математики, и лето у нее было свободно. Мы почти не вылезали из Ленинградского Эрмитажа, бродили по городу, ловя остатки белых ночей. В Киеве со свечой в руках мы блуждали по темным переходам Киево-Печерской лавры. Впечатление от храмов было настолько сильным и волнующим, что если бы не антирелигиозный музей, расположенный тут же, наш атеизм попал бы под довольно сильную угрозу.

В Тбилиси, сидя в ресторане над фуникулером, мы любовались бронзовыми россыпями огней. Это посещение было крайне приятным: официанты приняли нас за французских футболистов и поэтому старались изо всех сил. Не стоило их разочаровывать.

А потом Ростов, пароход, старые русские города и новые отличные знакомые, подкупившие Ивонну простотой и сердечностью обращения. Она, как мать, не могла нахвалиться нежностью, с которой русские относятся к детям.

И вот мы вернулись домой, в Париж. По дороге мы думали: приедем, спокойно займемся подготовкой к конкурсным экзаменам. Ничего похожего! Не успели мы переступить порог дома, как следом за нами буквально хлынули толпы друзей и родственников. И снова посыпалось: «Вас всюду сопровождали полицейские? Что с красной опасностью? Русские разговаривали с вами? Как, вы бывали у них дома?!» Обогащенные опытом, мы только посмеивались над наивностью заботливых близких. Бесконечным оказалось количество организаций, желающих услышать наши рассказы. Вначале мы говорили довольно бойко, но потом это становилось все труднее и труднее: слов не хватало. Особенно трудно было выступать вдвоем: увы, мы уже знали наизусть все остроты и все «хлесткие места» в рассказах друг друга.

Мы писали в газетах, газеты писали о нас. И когда все аргументы противников обмена с СССР студентами были опровергнуты, газеты выставили последний: СССР вынужден был принять французских студентов, но Москва никогда не пришлет во Францию своих. Однако и этому утверждению не суждено было просуществовать долго: в Париж приехали советские студенты. И в их реальности могла убедиться не только столица.

Во Франции во время каникул многие студенты совершают путешествия по стране. Для этого приобретается старая машина, которую студенты украшают плакатами и рисунками, стараясь яркостью компенсировать допотопность марки. Такая машина с русскими студентами появилась на дорогах Франции.

А мы все выступали и выступали. Студенческие профсоюзы Франции боролись в это время за университетскую реформу, за всеобщую стипендию. Нас просили делиться наблюдениями. Люди выступали за расширение культурных связей. Мы должны были описывать советские спектакли, рассказывать о книгах. Интерес к Советскому Союзу подстерегал нас на каждом шагу. По условиям обучения в Эколь Нормаль нам предстояло провести педагогическую практику в лицее. Все шло тихо и мирно: склонения, спряжения... Но однажды кто-то из учеников принес газету с нашей статьей. И тут началось. Мы и предположить не могли, сколько неожиданностей таит в себе русская грамматика: любой грамматический пример, в любом склонении и спряжении, вызывал мгновенно десятки вопросов о жизни в Советском Союзе.

Наш второй приезд в СССР (для подготовки диссертации) был уже возвращением в родные места.

В Москве у нас появились новые приятели: итальянцы, китайцы, чехи, поляки.

И снова закипела жизнь в аудиториях, залах, общежитиях. Снова нас учили по-русски сражаться на литературных диспутах, по-итальянски варить кофе, по-китайски гладить брюки, по-общестуденчески дружить и помогать друг другу.

И не знаю, что самое главное в том, чему мы научились в Советской стране. Может быть, как раз это, последнее.

Л. Бродская. ЗИМА НА ОКЕ.

Л. Бродская. ЗИМОЙ В ЛЕСУ.

Пейзажи Л. И. Бродской

Картины и этюды Л. И. Бродской привлекают пристальное внимание зрителей почти на каждой всесоюзной или московской выставке последних лет. Страстная увлеченность главной темой — пейзажами русской природы,— упорная работа на натуре, беспрестанные поиски новых тем придают полотнам одаренной художницы свежесть и искренность. Лучшие из ее работ: «Березка», «Края родные», «Осень на Оке», «Рожь колосится», «Вдали Москва» — получили заслуженную известность.

На организованной недавно в Москве персональной выставке-отчете художницы были представлены ее работы последнего десятилетия. Множество полотен, больших и малых, говорящих о трудолюбии молодого мастера, создают образы родной земли. Тут и очаровательные картинки пробуждения природы ранней весной и колосящиеся колхозные хлеба. Русскую зиму во всем многообразии заснеженных лесов и рощиц, полей и лугов художница наблюдала, писала и ранним сумрачным утром, и в ясный морозный день, и в часы заката.

Творчество Бродской, дочери выдающегося русского художника, складывалось в традициях реалистической живописи. От них у молодой художницы простота и ясность замыслов, стремление к высокой поэтичности и обобщениям, бережное отношение к деталям.

Е. НИКОЛАЕВА

СВЕТ НАД РОССИЕЙ

«Кремлевские куранты» Н. Погодина в Московском Художественном театре. Инженер Забелин — народный артист СССР Б. Н. Ливанов, в роли В. И. Ленина — заслуженный артист РСФСР В. А. Смирнов.

Фото С. Фридлянда.

В исторические февральские дни 1956 года, когда в Большом Кремлевском дворце заседал XX съезд КПСС, Московский Художественный театр показал в новой литературной и сценической редакции пьесу Николая Погодина «Кремлевские куранты».

Создавая новый творческий вариант, и драматург и театр сохранили все лучшие достижения спектакля, впервые поставленного в 1942 году, когда Советская страна в трудных военных условиях отмечала 25-летие Великого Октября. И театр оставил в списке режиссеров имена первых постановщиков — В. И. Немировича-Данченко, Л. М. Леонидова и М. О. Кнебель. Ныне дополнительную режиссерскую работу осуществила М. О. Кнебель совместно с И. М. Раевским и В. П. Марковым. Сохранились в спектакле и превосходные декорации В. В. Дмитриева. Глазам зрителя снова предстали давно не существующие Иверские ворота, набережная у стен Кремля в весеннюю ночь, скромный кабинет В. И. Ленина в Кремле, Гоголевский бульвар с прежним памятником Гоголю, номер в гостинице «Метрополь» с видом на московскую улицу, старомодная комната в квартире инженера Забелина и изба егеря Чуднова. Все это создавало и создает исторически правдивую и психологически верную атмосферу 20-х годов.

Но многое изменилось в списке актеров. Создание образа Ленина поручено новому артисту, Б. Смирнову. Прежний яркий исполнитель роли матроса Рыбакова — Б. Ливанов ныне выступает как старый инженер Забелин. Новым действующим лицом спектакля является иностранный писатель, которого играет В. Станицын. Роли Рыбакова и дочери Забелина Маши поручены молодым актерам Л. Золотухину и М. Анастасьевой. Только в эпизодических ролях мы встречаем прежние имена и среди них кряжистую крестьянку Анну — А. Зуеву — и старика-часовщика, которого с мягким юмором неизменно играет Б. Петкер. Но и старые и новые исполнители образуют единый сценический ансамбль, создающий удивительно цельный строй всей постановки.

Главное, чего сумел добиться театр,— воссоздания образа основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Это в полной мере удалось и драматургу и режиссуре и особенно артисту

Б. Н. Ливанов в роли Забелина.

Б. Смирнову. В пьесе 11 картин. Ленин участвует только в четырех, но каждая из них помогает раскрыть новые и новые черты его характера.

Прекрасно показана в спектакле кровная связь Ленина с народом, огромная любовь, какой окружали Ленина простые люди. Вот Владимир Ильич в деревенской избе ведет задушевную беседу с крестьянами. Вот ночью у кремлевской стены Ленин разговаривает с тремя московскими рабочими-трамвайщиками. Какой сердечностью проникнуты здесь интонации Б. Смирнова! Ночная сцена у Кремля, когда Ленин гуляет вместе с Рыбаковым, принадлежит к числу лучших и в пьесе и в спектакле. С большой теплотой раскрывается здесь особая внимательность, с какой Ленин относился к личным переживаниям людей. Угадав, что Рыбаков влюблен (а он влюблен в дочь инженера Забелина Машу), Ленин, как мудрый отец, говорит: «Время у нас жестокое, страшное, теперь как будто и не до любви, но вы не бойтесь... Любите на здоровье, раз это случилось. Только я вам хочу дать один совет. Вы не старайтесь по-новому любить. Любите по-старому, товарищ Рыбаков. Слыхал я про эти новые отношения. Пока что, кроме безобразия и распущенности, ничего не получается».

В этой же сцене раскрывается и горячая любовь Ленина к народу и убеждение, что большевик-марксист «имеет прекрасное право мечтать» и «должен мечтать, если он понимает мечту как рост новых задач его партии, его народа...» И Ленин добавляет: «С нашим народом можно мечтать, можно дерзать». И вот проявление этой ленинской мечты — гениальная идея электрификации России! Верно найденные автором слова, их простое и взволнованное произнесение Б. Смирновым делают эту сцену исключительно содержательной, поэтичной, захватывающей.

В двух сценах в кабинете Ленина мы видим государственного деятеля, умеющего заставить служить молодому Советскому государству и строптивого инженера и скромного часовщика, восстановившего ход часов на Спасской башне. Наконец, в беседе с иностранным писателем артист показывает, с какой изумительной сдержанностью выслушивает Ленин бескрылые, мещанские высказывания иностранца, какая ирония иногда вспыхивает в прищуренных глазах Ильича. Россию во мгле видит писатель. Ему отвечает Ленин: «А мы видим — свет над Россией».

С образом старого инженера Забелина в пьесе связана одна из крупнейших проблем первых лет революции — вопрос о переходе старой интеллигенции на службу к молодому Советскому государству. Крупный энергетик, выдающийся специалист по строительству электростанций, Забелин предпочитает торговать на ступенях Иверской часовни серными безопасными спичками. Он торгует не потому, что нужны деньги, а потому, что в этом самоунижении хочет показать свое отрицательное отношение к Советской власти. Если молчат Кремлевские куранты — эти «главные часы в государстве»,— то, как думает Забелин, кончилась Россия. Ленин с его несокрушимой волей ломает сопротивление Забелина. И старый энергетик страстно увлечен планом электрификации.

Ливанов играет Забелина в той исключительно яркой манере, которая присуща его живописному таланту, его бурному темпераменту. Все, начиная с внешнего облика Забелина и кончая его колючими и резкими словами, очерчено широкими штрихами, все подано крупно и по-своему величественно. В какой упрямой и вызывающей позе стоит Ливанов-Забелин со своим лотком у Иверских ворот, как сверкает он в дальней-

Л. Золотухин в роли Рыбакова.

шем своими гневными глазами из-под насупленных бровей! И грива седых волос, и седые прокуренные усы, и эта несгибаемая фигура великолепно сочетаются с бунтующей душой старого ученого. Да, сломить этого противника не просто. И благодаря такой трактовке Ливановым Забелина еще больше оттеняется психологическая и государственная победа Ленина. Но когда Забелин «разоружился», какие ликующие ноты появляются в голосе артиста: этот старый лев действительно счастлив!

Так средствами великолепного реалистического искусства Московский Художественный театр воспроизвел в пьесе Н. Погодина страницу истории великих дел советского народа, свершившихся под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

Славно началась вторая жизнь пьесы и спектакля «Кремлевские куранты» на сцене Московского Художественного театра!

Н. ВОЛКОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Концерт

Поет Зара Долуханова.

Праздники искусства иногда длятся лишь краткий час, но подготовка к ним бывает трудна и продолжительна. Когда овациями, бурей восторженных криков «бис», «браво» оканчивается концерт Зары Долухановой, мы думаем: день за днем, год за годом на наших глазах расцветает прекрасное дарование этой советской артистки.

На всем, что исполняет Зара Долуханова, есть глубокая печать ее артистической индивидуальности. Поет ли она гениальный романс Бородина «Для берегов отчизны дальной», или «Здесь сирени быстро увядают» Кюи, или «Бессонницу» Метнера, или русскую народную песню «Зеленая рощица» в обработке Прокофьева — все в исполнении Долухановой имеет свою окраску, особый колорит.

Созданию целостного поэтического образа, полного жизни и душевной теплоты, Долуханова подчиняет все богатство и многообразие средств своего мастерства. Чудный голос артистки с его бархатисто-теплыми тонами в нижнем и среднем регистрах, звенящий, как хрустальные колокольчики, на верхних нотах, точность и свобода в беглых пассажах и головокружительных темпах виртуозных пьес — все служит одной цели — лепке поэтического образа.

Надо слышать, как З. Долуханова исполняет стихи Пушкина в музыке Бородина: «Мои хладеющие руки тебя старались удержать, томленья страшного разлуки мой стон молил не прерывать»!.. Этот романс Бородина — одна из редчайших жемчужин музыкального искусства, в которых музыка поднята на уровень пушкинской поэзии.

По-новому заставила нас певица взглянуть на романсовое творчество Метнера. Привычные представления о некоторой сухости, об «аналитическом», «головном» характере лирики Метнера исчезают, когда поет Долуханова. В ее пении раскрывается нерасторжимая слитность стиха и музыки, например, в романсе Метнера на слова Тютчева «Бессонница». Тяжелое раздумье, грызущая душевная мука, и в то же время почти пушкинские прозрения в будущее:

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло.

Метнер уловил мелодию тютчевского стиха, которым поэт сто тридцать лет назад отпел своих друзей и свое время... И мы, потомки того «младого племени», которое в отдалении виделось Тютчеву, слушая Долуханову, чувствуем и понимаем трагическую красоту его поэзии.

И еще больше можно сказать о том, как З. Долуханова поет романсы Рахманинова, Мусоргского. Каждый раз мы, словно впервые, слышим эти драгоценные перлы музыкальной поэзии. Только что отзвучал скорбный образ, возникший в творчестве Пушкина, и вот уже в пластически гибкой, тонкой и нежной музыке Кюи сквозят и дышат зыбкие, призрачные образы Сюлли-Прюдома: «Здесь сирени быстро увядают...».

Еще мгновение — и вспыхивают огни балакиревского страстного «Я любила его» на слова Кольцова. Еще минута — и без умолку трещит и вертится, сверкая глазами, маленькая «Болтунья» Прокофьева на слова Барто, по степени трудности, пожалуй, нисколько не уступающая россиниевской «Тарантелле». Мы бы хотели сказать о каждой пьесе, которую поет Долуханова, о гениальном цикле «Любовь и жизнь женщины» Шумана на слова Адальберта Шамиссо, о превосходно спетых романсах Шапорина и Мясковского, но всего не скажешь. Поистине неисчерпаем репертуар этой певицы.

В. ГОРОДИНСКИЙ

Лилита Берзинь

Анна Каренина.
Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Замечательная латышская актриса Лилита Берзинь сыграла за годы сценической жизни множество разнообразных ролей—здесь и наши современницы, и женщины прошлого, героини Шиллера, Шекспира, и образы пьес Яна Райниса.

Даже в наиболее напряженных драматических эпизодах Л. Берзинь умеет передать свои переживания без крика, резких жестов, но с удивительной ясностью каждого душевного движения. Ее взгляд, вздох, тихие восклицания порой заставляют замирать зал.

Играя Анну Каренину, Л. Берзинь сумела как бы внутренне вобрать в себя то, что пишет Толстой об Анне. Есть у Анны — Берзинь «отчетливая грация, верность и легкость движений». Мы видим у актрисы описанную Толстым «...сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы».

Много раз перечитывала Л. Берзинь эти и другие строки романа Толстого, и они запали ей в сердце, одухотворили ее игру.

И в трагическом образе Марии Стюарт был этот свет вольной и чистой женской души. Как сияли глаза Берзинь — Марии, когда она выбегала, выпущенная из заточения! Как жадно и радостно смотрела она на небо, на зеленую траву у себя под ногами! В знаменитой сцене свидания с Елизаветой не было поединка двух королев, была борьба между женщиной свободной, страстной, смелой и властительницей надменной, лицемерной, сухой и лживой. Женственность и человечность восстали против ханжества и бессердечия.

Мария Стюарт.
Фото Л. Меркманиса.

Спидола. «Огонь и ночь» Яна Райниса.
Фото В. Лаврентьева.

Лилита Берзинь в каждой своей роли правдива и естественна, идет ли речь об образах прошлого или о сегодняшних.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

ДОКТОР СТЕПАНОВА

Перед вылетом. Д. И. Степанова и летчик В. И. Бархатов.
Фото В. Кругликова.

У самого Сямозера

На пирсе стоят трое: пилот, механик и врач. Мостик, по которому гидросамолеты сбегают на воду, захлестывает волной. Когда врач второпях забирается в самолет в легоньких туфлях, которые обычно носит в операционной, летчик ворчит: не знает она, что ли, карельской погоды! Где меховые сапоги?

В санитарном самолете рядом с пилотом садится механик, и третьему достаются узенькие парусиновые носилки в хвосте. Дора Ивановна Степанова не любит этого места: задвинут крышку — ни встать, ни сесть. А главное, ничего не видно, только у самых глаз, в маленьких, с блюдце, оконцах, два круглых кусочка неба. Голубое, пронизанное солнцем или в сплошных облаках, оно не раз вот так, через окошко, заглядывало доктору в лицо. Земли не видно. Там лесные озера, коричневатые от хвои речки, рыжие ковры болот. И опять лес...

Показалось Сямозеро. Исчезая и появляясь среди камней, мчатся мальчишки. Замелькали белые платки женщин, вышли лесорубы. Самолет садится на воду, осторожно обходя топляки — одним концом затонувшие бревна. Стали накачивать резиновую лодку, а там, по озеру, опережая мальчишек, неслась, взлетая на крутой волне, чья-то старенькая лодчонка. Пестрое платье... Серый пуховый платок... Девушка сунула в первые попавшиеся руки мокрый конец, бросилась к Доре Ивановне, обхватив ее тонкими загорелыми руками... Сполз на спину пуховый платок, бились на ветру светлые волосы; у Доры Ивановны сорвало с головы и утопило в озере пестренькую косынку, а Валя Лебедева — фельдшер медпункта — все не разнимала рук, все приговаривала: «Наконец-то!.. Наконец-то...»

По пути Валя сбивчиво рассказывала. Очень плохо человеку: перелом кости. Всю ночь бредил: ему казалось, что рядом падает дерево. Потом замолкал, лежал тихо, не шевелясь, шепотом спрашивал, почему он в больнице, и опять терял сознание. Два фельдшера — две Вали — всю ночь были с ним. Они делали все, что умели, но по-настоящему помочь лесорубу могли только руки хирурга. В поселке Кудама его не было.

Тогда-то решили позвонить в Петрозаводск, в республиканскую больницу. Долго бился в трубке валин голос. «Ничего не слышу!» — кричал диспетчер. Гроза, перелом — больше она ничего не поняла и помчалась в травматологическое отделение разыскивать доктора Степанову. Дора Ивановна насторожилась. Кудама? Лесной поселок? Две Вали? Они учились в фельдшерской школе, где она много лет преподавала хирургию. Потом их послали на берег Сямозера — участок огромный, дороги трудные. Вдруг что-нибудь серьезное? И в тот же час из ворот больницы выехала машина с красным крестом. Она помчалась по шоссе к аэродрому.

И вот три белых халата склоняются над постелью больного. Два фельдшера и доктор всматриваются в зрачки человека: как они реагируют на вспыхнувшую рядом спичку? Потом — гипс. Три перелома сразу!

Давно прошел условленный час. На озере летчик собирается послать за Дорой Ивановной когонибудь из мальчишек. А доктор все ходит из комнаты в комнату, смотрит трудных больных. Две Вали вслушиваются в каждое слово...

«Калитки»

«За окном вьюга. Дом наш на краю села. Кругом лес, участок большой, одна деревня за семь километров, другая за семнадцать. Хожу пешком или добираюсь на лошади. Покоя не знаю ни днем, ни ночью. Живет здесь маленькая народность — вепсы. Вот горе — языка не знаю. Говорят о тебе, а ты стоишь, как столб. Ваши письма перечитываю по нескольку раз и храню. Когда долго ничего от вас нет, читаю их, начиная с первого. Вы для меня дорогой человек, точно мать. Как мне надо встретиться с вами!..»

Письма приходили каждый месяц. И всегда кончались одним и тем же: «Встретиться бы с вами!»

Травматологическое отделение, которым Дора Ивановна заведует,— самое беспокойное. Попробуй вырвись, если у тебя операция за операцией! И все-таки она вырвалась.

Попутная машина бежит по дороге. Справа лес, и слева лес. Он расступится, даст место деревеньке — добротным бревенчатым избам в два этажа,— и опять зеленому коридору нет конца.

В медпункте фельдшер ведет прием. Тишина. Широченные доски пола вымыты добела. Матери то и дело шепчут ребятам: «Мешаете доктору...» Дора Ивановна садится на скамейку, где ждут очереди. За дверью голос Лиды.

...Они стоят у окна, распахнутого настежь. Пахнет не лекарствами, а хвоей: лес рядом. Лида Подгорская — стремительная, тоненькая, вся в белом, как в фельдшерской школе, когда она училась у Доры Ивановны. Она рассказывает все сразу: от ремонта медпункта перескакивает к тяжелым родам, от статьи в журнале «Фельдшер и акушерка» к благоустройству села. Так, выясняется, что Лида уже депутат сельского Совета, понимает местный язык и вообще «коренной вепс».

Вечер... В медпункте шуршат страницы книги с лидиными записями. Вдруг за окном раздался певучий голос: «Дора Ивановна!» Она посмотрела вниз — чьи-то синие глаза. «А когда вы придете к нам на «калитки»?»

Она вспомнила... На операционном столе лежит девочка Настя. Несчастье подкралось незаметно. Сначала было похоже на грипп: болели мышцы, голова. Постепенно инфекция поражала спинной мозг, началось острое заболевание центральной нервной системы. Девочка не ходила. Одно спасение — операция.

Насте давали наркоз, она засыпала. Вдруг опять открыла глаза: «Когда я поправлюсь, вы приедете к нам на «калитки»?» И еще не зная, что это такое, Дора Ивановна низко склонилась к белому, как простыня, лицу и сказала, что, конечно, приедет, а она, Настя, пусть засыпает...

Девочка долго лежала в постели. Медленно шло выздоровление. В отделении у Доры Ивановны она сделала первый шаг. Однажды по больнице пронеслась весть: Настя пошла!

И теперь они встретились. Девочка не спускает с Доры Ивановны влюбленных глаз. Костыли давно стоят в чулане. Настя бегает в лес за грибами, только чуточку прихрамывает. Она учится в школе, переходит из класса в класс. Говорят, у нее есть голос,— стала петь.

Девочка и доктор не сводят друг с друга глаз. На столе стынут «калитки» — тонкие ржаные лепешки с творогом...

Сын

Он уехал. Дора Ивановна ходит по опустевшим комнатам, то возьмет, то положит на место забытую серую кепку. Перед глазами вокзал, Толя на ступеньках вагона — волосы разлетаются на ветру, худенькие мальчишеские руки крепко держатся за поручни. Он переговаривается через головы с друзьями, чинно прощается с сестрой Риной. Дора Ивановна волнуется: пирожки положили рядом с рубашкой, кепку забыли...

Толя едет в ленинградский медицинский институт. Совсем недавно, в десятом классе, его спрашивали: «Кем будешь?» Он отшучивался. А когда пришел день подавать заявление, сказал матери: «Только в медицинский. Разве ты не знала?»

Всю жизнь они были рядом. В войну Толя и Рина путешествовали с матерью по госпиталям Сибири и Крыма. Конечно, время могло зачеркнуть в детской памяти воспоминания тех лет — операционные в разрушенных санаториях Симеиза, кровь на крымских камнях, трудную жизнь матери — хирурга военного госпиталя. Но и потом, подрастая, мальчик слышал об этом.

Отец погиб на войне. Вернулись в Петрозаводск — на месте дома кучка пепла.

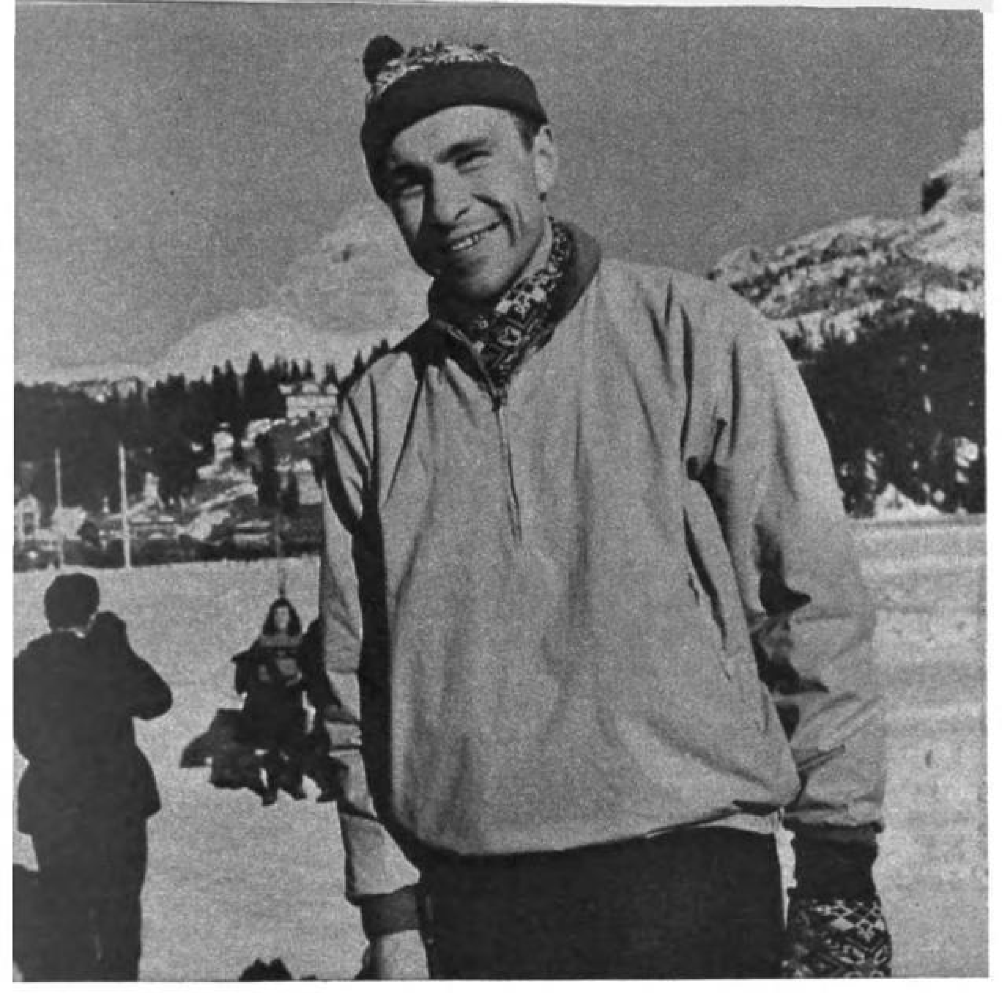
Он подрастал и видел: у матери ни минуты покоя. Срочный вызов — и она уходила из дому ночью, в праздник, в непогоду. Надо помочь человеку — она готова тут же отправиться в далекий или близкий путь: пешком, на попутных машинах, случалось — на лодках, на лыжах. «Помогите человеку...» — пришла телеграмма, и Дора Ивановна вылетела на маленький остров Клименцы, где заболел шестимесячный малыш.

Он читал вместе с матерью письма со всех уголков Карело-Финской республики... «Помните Дусю Степанову? Хотя я и осталась без руки, ни за что не хочу умереть — жить, жить, жить!..» «Пишет вам мальчик Валя из деревни Половина. Спасибо, что вылечили меня».

И вот Толя стоит на ступеньках вагона, волосы разлетаются на ветру. Когда состав тронулся, Дора Ивановна быстро-быстро пошла за вагоном, но поезд набрал ход.

Дора Ивановна возвращается домой. Лицо у нее и растерянное и счастливое. Дочка Рина осторожно заглядывает ей в глаза: «Ну что ты, мама...»

К. ЯКОВЛЕВА

Чемпион Европы Евгений Гришин.
Фото Б. Светланова.

Гришин — чемпион Европы

Кортина д'Ампеццо — Осло — Хельсинки — таковы вехи победоносного пути советских скороходов.

Выиграв три дистанции из четырех на олимпийских играх, завоевав все три призовых места на мировом чемпионате в Норвегии, скороходы СССР направились в Финляндию для того, чтобы завершить круг крупнейших международных состязаний борьбой за титул чемпиона Европы.

Соревнования в Хельсинки давали последний шанс скандинавским скороходам, и в первую очередь Сигге Эрикссону, удержать за собой хотя бы европейское первенство. После состязаний в Осло Эрикссон заявил, что в нынешнем сезоне больше выступать не будет, но все же, видимо, он не смог отказаться от участия в последних международных соревнованиях и вышел на старт вместе с другими скороходами.

Все предполагали, что борьба за первенство развернется между ним и лучшими советскими многоборцами — чемпионом мира 1956 года Олегом Гончаренко, Борисом Шилковым и молодым скороходом Робертом Меркуловым. И действительно, после первого дня, хотя Гришин и выиграл бег на 500 метров и сохранял за собой лидерство, вплотную за ним шли Шилков и Меркулов, они были главными претендентами на победу.

Сколько уже раз Гришин возглавлял группу лучших, но неизменно после завершающего бега на 10 тысяч метров уступал первое место. Так было на первенстве мира 1954 года и на мировом чемпионате нынешнего года, когда Гришин должен был довольствоваться третьими местами. Победа в многоборье почти невозможна для спринтера, и только норвежцу Г. Энгнестангену и финну Г. Тунбергу удалось добиться этого.

На последней дистанции многоборья — 10 тысяч метров — лидером стал норвежец Кнут Юханнесен, показавший очень высокий результат — 16 минут 50,1 секунды, наши же многоборцы значительно отстали от него. Теперь вся надежда была возложена на Евгения Гришина, бежавшего в предпоследней паре. Для того, чтобы отодвинуть норвежца на второе место, Гришину нужно было пройти дистанцию не более чем за 17 минут 35 секунд. Гришин показал еще лучший результат — 17 минут 34,5 секунды — и впервые стал чемпионом Европы. Два известных скандинавских многоборца — К. Юханнесен и С. Эрикссон — заняли второе и третье места.

Замечательная победа двукратного олимпийского чемпиона!

В. ВИКТОРОВ

М. ТАЙМАНОВ—ЧЕМПИОН СССР

В дополнительном матч-турнире трех гроссмейстеров звание чемпиона СССР по шахматам на 1956 год завоевал ленинградец М. Тайманов.

Детская писательница Агния Львовна Барто за заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР азербайджанский писатель Абдулла Шаиг (Талыб-заде Абдулла Шаиг Мустафа оглы) за заслуги в области развития советской художественной литературы, в связи с семидесятипятилетием со дня рождения награжден орденом Трудового Красного Знамени.

На закрытых кортах

Международные соревнования теннисистов

В Москве, на закрытых кортах стадиона «Динамо», проходили международные теннисные соревнования, в которых принимали участие сильнейшие игроки Венгрии, Норвегии и Советского Союза.

Москвичи получили возможность вновь увидеть игру венгров Иожефа Ашбота, Андриаша Адама, Антала Янчо, Жужи Кермеци, а также познакомиться с лучшими ракетками Норвегии — Н. Хессеном, Ю. Хонесом и Л. Шоу-Нильсен.

Наиболее интересными были одиночные встречи. Как у женщин, так и у мужчин заметного успеха добились венгерские спортсмены. Они показали не только красивую, но и богатую разнообразными приемами игру.

У женщин выделялась Ж. Кермеци, которая провела все игры ровно, без срывов, продемонстрировав высокую технику приема и посыла мячей как справа, так и слева. Она последовательно обыграла всех финалисток и в решающем соревновании победила свою соотечественницу Е. Эрдеди.

После недельной борьбы в мужскую финальную группу вошли И. Ашбот и А. Янчо, а также С. Андреев и Н. Озеров.

Победитель международных соревнований И. Ашбот (слева) и С. Андреев.
Фото А. Бочинина.

И. Ашбот — один из сильнейших теннисистов Европы, неоднократный участник Уимблдонского турнира и победитель международного матча в Париже — сейчас находится в хорошей спортивной форме. Он сравнительно легко побеждал своих соперников в начале турнира, но затем встретил серьезное сопротивление в состязании с Н. Озеровым. Выиграл Ашбот со счетом 4 : 6; 7 : 5; 9 : 7.

Второе испытание он выдержал в матче со своим молодым соотечественником А. Янчо. Встреча Янчо с Ашботом была едва ли не самой интересной в турнире. И вновь победил Ашбот: 3 : 6; 6 : 2; 8 : 6.

Чемпион Советского Союза Сергей Андреев показал точную и сильную игру и одержал победу над венгерскими теннисистами И. Гуяшем, А. Адамом и А. Янчо.

Решающий матч И. Ашбот — С. Андреев состоялся 27 февраля. Он также окончился победой И. Ашбота.

М. МАРТЫНОВ

МАТЬ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

Дверь открыл крутолобый мальчик лет двенадцати. За его спиной стояли синеглазая румяная девочка и малыш с ботами в руках.

— Вы к маме? Пожалуйста,— мальчик сделал приглашающий жест, а другой рукой взял братишку за плечо и показал ему, куда поставить обувь. У двери уже выстроилась длинная вереница маленьких бот и галош.

...За столом у чертежной доски стояла полная, еще молодая женщина — Антонина Григорьевна Балашова, мать одиннадцати детей.

— Вы заняты?

— Нет, я кончила чертеж и собиралась посмотреть почту.

На небольшом столике лежат письма от друзей из Китая, Северной Кореи, Финляндии, Канады. Мать-героиня Антонина Григорьевна Балашова — член Советского комитета защиты мира. Она переписывается с женщинами многих стран.

— Посмотрим, от кого сегодня весточка,— говорит Балашова, вскрывая конверт. На скатерть падает фотография кудрявого малыша. На обороте подпись: «Мой одиннадцатый сын шлет привет Вашему Юрочке. Пусть Юра растет богатырем. Ведь он благословлен всеми женщинами мира. Штофф Яношнэ, шахтерский поселок Эгерчехи. Венгрия».

Второй конверт с китайской маркой от «приемной дочери» Балашовых Тэн Хуа-хуа. Несколько месяцев назад маленькая китаянка в письме попросила разрешения называть Антонину Григорьевну мамой, а детей — сестрами и братьями.

«Мой самый любимый мамочка»,— читает Антонина Григорьевна.

— Надо показать письмо от Тэн ребятам. Они его ждут.

Светлая, самая большая комната — ребячье царство. Сегодня, в воскресенье, все младшие Балашовы дома. Трехлетний Матвейка складывает с Ритой дом из ярких кубиков, старшая, Наташа, пристраивает погремушки к коляске Юрика, Петя показывает первокласснице Тоне, как играть гаммы на пианино, Лена и Леша рисуют. Все заняты, веселы, очень деятельны. Письмо из Китая вызывает общий восторг.

— Надо письмо переписать для Славы и Коли. Пусть и они напишут о своем Суворовском училище.

— Фотографию общую вложим.

Антонина Григорьевна прислушивается, изредка вставляет замечание.

Можно провести в семье Балашовых несколько часов, и вы не увидите бессмысленного детского упрямства.

«И как вы их растите такими?» — часто, очень часто слышит Антонина Григорьевна. Многие искренне недоумевают: как она, имея такую большую семью, может еще и работать и заниматься общественной деятельностью. Нередко в квартиру приходят незнакомые люди, раздаются телефонные звонки. Одни хотят просто познакомиться с Балашовыми, посмотреть, как они живут, другие обращаются к Антонине Григорьевне за различными советами. Бывают и совсем неожиданные встречи.

— Когда я была в родильном доме, ко мне приехал американский корреспондент,— рассказывает Балашова.— Он узнал от врача, что в палате лежит мать одиннадцатого ребенка. Американец обрадовался такой находке, ожидая увидеть изможденную женщину. И был очень обескуражен, когда нас познакомили. Сначала он не верил, что это мой одиннадцатый сын. Но когда я пригласила его к себе домой, он... не приехал.

Антонина Григорьевна выросла на Урале, в большой трудовой семье. В юности, работая, окончила вечернее отделение горного института. Рано, в семнадцать лет, вышла замуж.

На третьем году замужества родилась первая дочь, Люба, а за ней погодки — Слава, Коля, Наташа, Петя, Лена, Тоня, Леша, Рита, Матвейка и в прошлом году Юрочка.

А. Г. Балашова и ее дети.
Фото Е. Тиханова.

Работать геологом, уезжать в долгие экспедиции стало невозможно. Балашова окончила второй институт, стала инженером-конструктором. Сейчас она руководит одним из отделов конструкторского бюро Министерства морского флота СССР. Ее муж Алексей Павлович — тоже инженер, строитель.

Им пришлось много ездить по стране. В Молдавии они строили колхозные гидростанции, работали на стройках в Москве, в Сибири, на Урале. Жили по-разному: в номерах гостиниц, в маленьких, тесных комнатках. Всей компанией ходили на речку полоскать белье, таскали воду из колодцев, пилили дрова.

В семье Балашовых у каждого из детей есть свои обязанности по дому. Мальчики и девочки сами убирают квартиру, ходят за покупками, умеют приготовить обед, выстирать мелкие вещи, починить одежду. «В жизни все пригодится»,— справедливо считает хозяйка большой семьи. И действительно, когда ее старшая дочь Люба уехала на целину, там ей очень помогло все, чему она научилась дома; сыновья Слава и Коля отлично чувствуют себя в Суворовском училище, привыкнув с детства к дисциплине, режиму, самообслуживанию. Младшие Балашовы учатся в школе, ходят в детский сад. Один Юрочка пока дома.

— С ребятами, конечно, много хлопот,— говорит Антонина Григорьевна.— Зато каждый день приносит нам что-нибудь новое. Ведь в большой семье и радостей, если их уметь замечать, немало. А самое главное — чувствуешь, что недаром живешь на земле.

И. ИЛЬИЧЕВА

ИЗВЕРЖЕНИЕ ВУЛКАНА БЕЗЫМЯННОГО

Публикуемая фотография сделана 26 января нынешнего года с борта самолета. Изображен на ней вулканирующий кратер сопки Безымянной на Камчатке.

Этому предшествовали следующие события.

Еще в конце прошлого года сейсмограф на Камчатской вулканологической станции Академии наук СССР зарегистрировал землетрясение, эпицентр которого приходился на сопку Безымянную. Нет ли ошибки в показаниях прибора? Ведь Безымянная числится давно потухшим вулканом! Но толчки не прекращались, а вскоре в стереотрубу можно было увидеть белый дымок над сопкой. Затем, как из гигантского костра, повалили густые клубы дыма с пеплом. Загремела вулканическая «канонада», столб дыма поднялся на высоту 4—5 километров.

Жители села Ключи часами простаивали на улице, наблюдая одно из редких явлений природы. Темные тучи вскоре закрыли небосвод над селом, отстоявшим на 45 километров от подножия сопки.

Несколько дней не унимался воскресший вулкан. В Ключах улицы покрылись двух — трехсантиметровым слоем пепла. Днем было темно, как ночью.

В течение двух месяцев было зарегистрировано около 20 тысяч подземных толчков, некоторые ощущались даже без помощи приборов.

Как только стало возможным, в район действующего вулкана вылетел самолет с сотрудниками вулканологической станции.

На высоте 3 600 метров самолет приблизился к вершине Безымянной. Несмотря на то, что прошло много времени, гигантский дымовой султан все еще занимал полнеба.

Итак, давно потухший вулкан вновь извергается. Научные работники изучают состав продуктов, выброшенных из кратера. Не только ученые, но и агрономы исследуют пепел, в изобилии разбросанный на больших площадях вокруг вулкана.

В. ТРИХМАНЕНКО

Фото Н. Классова.

КАБАЛА

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

Уж так повелось: в феврале заместители редакторов всех существующих у нас журналов звонят женщинам-литераторам: поэтессам, прозаикам и даже сатирикам.

— Вы не забыли про март месяц? Про Женский день? Редакция просит вас выступить на страницах нашего журнала с теплым, радостным произведением о счастливой, свободной, раскрепощенной женщине, об ее светлом пути, об...

Почему-то обращаются только к женщинам, будто мужчины ничего не могут сказать теплого и радостного о женщинах.

Поэтесса отвечает нежным, напевным голосом:

— Я заканчиваю цикл стихов о взаимной, сияющей, как солнце, любви, о такой любви, какая и не снилась нашим прабабкам... «И, полно, Таня! В эти лета мы не слыхали про любовь»... Помните няню Тани Лариной?

— Помним, еще бы! Но почему вы считаете своей прабабкой только няню, а не Таню? Таня — тоже наша прабабка, а у нее была любовь, да еще какая! Ну, в общем, желаем вам успеха, ждем стихов к такому-то числу.

Женщина-прозаик отвечает строго и вдумчиво:

— У меня начата небольшая повесть. Бабушка-колхозница рассказывает внучке-колхознице о своем угнетенном и бесправном прошлом. Внучка спешит на вечер, надевает крепдешиновое платье, лаковые туфли и не верит бабушке: «Неужели это было?»

— Это было,— вздыхает редактор, подразумевая не угнетенное прошлое колхозницы-бабки, а тему предложенной повести.

Писательница, недопоняв редакторского вздоха, подтверждает:

— Да, это было, но этого больше нет и не будет! И именно это я хочу отобразить.

Женщина — сатирик и юморист (явная и непоправимая аномалия) — грустно и неуверенно отвечает в трубку:

— Я подумаю.

И вот я думаю. Написать о том, как героиня рассказа выступала на торжественном собрании под музыку и среди цветов, а тем временем ее муж стряпал обед и из простого, нехитрого дела соорудил нечто несъедобное и неудобоваримое?.. Было. О том, как он и она любили друг друга, а потом оказалось, что она вновь назначенный директор завода, а он нерадивый на этом же заводе работник? Было десять раз... О том, как она, возлюбленная, добилась высоких производственных показателей, а он, любимый, пока еще не... Не хочется даже додумывать: сто раз было.

Самое верное — поговорить с героинями этого дня: с женщинами, девушками — с одной, другой, третьей. И непременно кто-нибудь подскажет что-нибудь новое, волнующее, интересное.

Но мне не повезло: ни одна, ни другая, ни пятая не рассказали ничего нового.

Первая с радостью поведала о том, что переехала со всем семейством в новую квартиру. Вторая показала свою фотографию в газете, над головой плакат: «Двести пятьдесят процентов выполнения плана». Третья рассказала о своей семье: пятеро ребятишек, один лучше другого, и муж непьющий, некурящий... А пятая со слезами пожаловалась, что домашние ее эксплуатируют и совершенно не ценят.

В общем, ничего нового.

И только шестая рассказала маленькую историю, которая показалась мне занятной и вначале даже смешной. История тоже не новая... Но если бы вы только слышали, как это было рассказано! Хоть бы наполовину мне удалось передать то чувство, которое было вложено в этот рассказ!

Вот он. Но я должна предупредить, что не стану называть имени этой женщины. Скажу только, что ее знают у нас в стране и за рубежом. Некоторые находят ее очень миловидной, другие говорят: ничего особенного. Молодой талантливый поэт посвятил ей стихи, в которых говорится, что лучше ее нет на свете. Молодой художник нарисовал ее красавицей. Зато старый и желчный карикатурист изобразил ведьмой с Лысой горы. Ее профессия в этом рассказе не играет никакой роли, поэтому я не буду уточнять, кто она: балерина, певица, молодой ученый или мастер спорта. Могу только сказать, что она выбрала свою профессию еще в детстве и добилась значительных успехов. Но речь пойдет не об этом, а совсем о другом.

Я пожаловалась ей: вот, мол, какое трудное положение. Ищу тему к 8 марта о счастливой, раскрепощенной женщине, и, за какую тему ни возьмусь, все уже описано.

Она грустно улыбнулась:

— Не по адресу. Я как раз... крепостная. В кабале.

— Как?

Вот уж, признаться, такого я не слышала. И я обрадовалась, потому что поняла: это будет смешно! Ну как же не смешно, когда в наше время у нас, в Москве, и такая женщина говорит: «Я крепостная»!

— Нет, это совсем не смешно,— сказала она.— Наоборот. Я рада бы раскабалиться, раскрепоститься... но ничего не получается.

— Так расскажите!

Я была уверена, что услышу забавную историю, и стала записывать слово в слово. Начала она так:

— Я люблю одного человека. Кто он? Не скажу. Для меня любимый, а вы даже никогда не слыхали его имени. Может быть, еще услышите. У него масса планов, надежд, мечтаний. И, ко всему прочему, очень неважный характер. Как видите, я не ослеплена любовью. Он знает, что я его люблю, и обращается со мной,— ну, как бы вам сказать? — как с овечьим источником. Не с классическим, как у Лопе де Вега, а с самым обыкновенным. Сперва пьет из источника, а потом топчет его копытами.

Я не выдержала:

— Но ведь так поступают только бараны!

Она испугалась.

— Ох, что вы! Значит, я сказала не то, что хотела. Никогда не пришло бы мне в голову назвать его бараном. Разве я могла бы полюбить барана! А вы даже представить себе не можете, как я его люблю! Нет такой вещи, которой я бы для него не сделала... А про источник я упомянула в том смысле, что готова журчать для него день и ночь самыми нежными, самыми чистыми и прозрачными, душевными словами. А когда он выслушает их все, когда утолит свою жажду и отдохнет, то не пожалеет источника и замутит его...

Я сказала:

— Понимаю! Набросает булыжников и кирпичей. А еще вернее, пройдется по вашей душе копытами! Я женщина и целиком на вашей стороне.

Но она взмолилась:

— Не надо про него так! У меня ведь тоже характер не сахарный...

И тут я поняла, как она любит его.

...У меня тоже плохой характер. Вот, представьте себе. Очаровательная ночь, напоенная жасмином. И сама луна в темном небе похожа на огромный восковой бутон жасмина. Я не мастер описывать природу, но вы знаете, и все знают такие восхитительные ночи, когда не хочется быть одной... Но он на пятнадцать минут опоздал на свидание. Я думала об этой встрече с утра, весь день жила ею, а он пришел не спеша и даже не извинился. И тут я говорю ему как можно равнодушней: «А эта безвкусно одетая беле-

сая девица, она, кажется, влюблена в тебя? Она смотрела на тебя такими глупыми глазами! Это было очень смешно».

Он отвечает суховато:

«Ну что ж, смеяться лучше, чем плакать. Я рад, что тебя это рассмешило».

Я чувствую, что вместо горячего сердца у меня где-то внутри что-то холодное, вроде тех устриц, что в мороженом виде продаются у нас в рыбных магазинах. Я не знаю, что у него внутри, но я вижу, что он ощетинился, как еж. И мы уже не чувствуем запаха жасмина, не слушаем соловья, не видим луны и оба понимаем, что в эту ночь не будем целоваться, а будем говорить друг другу колючие и злые слова... Я люблю его до отчаяния и вместе с тем ненавижу его,— не знаю, как это совмещается. Одно мне понятно: он меня не любит! Ему сейчас в тысячу раз было бы приятнее идти по лунной дорожке с этой пресной, белесой, влюбленной в него девицей. Она бы хихикала при каждом его слове, а он чувствовал бы себя остроумным, неотразимым и красивым. Хотя он совсем не красив; я же вам говорила, что я не ослеплена любовью...

Мы холодно расстаемся. Я ухожу домой. Что он такое, на самом-то деле! Есть люди в сто раз умнее, в тысячу раз красивее, с которыми можно говорить обо всем. А он?..

Но все дело в том, что я люблю не их, а его. Вот наказание-то! Как будто меня привязали цепью к столбу, к деревянному, плохо обструганному бревну, и я хожу и хожу на цепи... Нет, хватит! Оборву цепь, убегу и даже ни разу не оглянусь на проклятое бревно...

И так у нас было постоянно. Мы ссорились и мирились, мирились и снова ссорились. Примирения были такими, что я готова была отдать за них год, два, даже три года жизни, куда ни шло! А ссоры были глупые и обидные.

И вот сейчас как раз мы опять в ссоре. Еще ни разу мы так не обижали друг друга. Мы выбирали самые тяжелые булыжники слов и швыряли их друг другу в голову. Не знаю, как у него, а у меня вся душа была в синяках... Но через час я уже готова была все забыть и сама, первая, не доискиваясь, кто виноват, просить прощения. Я позвонила ему и тихонько спросила: «Может быть, придешь?» Он ответил ледяным тоном:

«Мне некогда».

Тогда я сказала, как могла, спокойно: «Ну, что ж, мне тоже будет некогда в течение ближайших пятнадцати лет...»

С тех пор мы больше не встречались. Но мне иногда так хочется услышать его голос!..

Вам я могу признаться в том, в чем никогда и никому не признаюсь. Я все-таки звоню к нему на квартиру. На счастье, на удачу. Кто может подойти к телефону? Его мать, дедушка или домработница Фекла Ивановна.

Набираю номер и слышу деликатный голос его матери:

«Я вас слушаю».

Можно, конечно, поздороваться, поговорить, спросить про него, передать привет. А может быть, он уже поделился со своей матерью: «Мне все это надоело!» — и получил полную ее поддержку... Нет, ни за что не выдам себя.

Я откашливаюсь и грубым голосом говорю:

«Дайте лаблаторию!»

«Что-что? Ла-бо-раторию?» — уточняет его мать.

Я вешаю трубку. У меня в распоряжении полчаса. Я должна заниматься делом. Я люблю свое дело, я увлечена им, нет ничего лучше его на свете! Но пока у меня только полчаса...

Снова набираю номер. Теперь это приветливый, хрипловатый, прокуренный дедушкин басок. Мне даже кажется, что из трубки потянуло табаком.

«У телефона...»

Совестно обманывать дедушку, он всегда относился ко мне хорошо, но сейчас я больше всего боюсь его сочувствия. Лучше было бы, ничего не говоря, положить трубку. Но дедушка все так же приветливо повторяет:

«У телефона, слушаю...»

Тонким детским голоском я прошу:

«Позовите Катю...»

«Деточка, ты не туда попала,— ласково говорит дедушка.— Какой ты номерок набираешь?»

Я знаю, как дед любит говорить по телефону. А кроме того, это все-таки его дед. И я продолжаю пищать:

«Вэ один двадцать два...»

«Как-как? Вэ — Варвара? А у нас Бэ — Борис. Вот видишь, детка, куда ты попала? Борис тебе совсем даже не нужен».

Правильно, милый дедушка, мне совершенно не нужен никакой Борис. Теперь уже неудобно больше звонить, бессовестно беспокоить людей. До вечера.

Работа идет своим чередом. Все, как всегда, интересно, увлекательно, захватывающе. Может быть, это и есть моя настоящая любовь?.. Приходили два корреспондента из газеты. Один меня фотографировал; другой записал, что мой отец был садовником, а мать работала в детских яслях. Это для того, чтобы сделать коротенькую заметку о том, что в наше время в нашей стране девочка из простой семьи может выбрать любой путь по душе. И тут я подумала, что эти симпатичные и веселые газетчики не знают, какая я крепостная, привязанная к столбу...

Вечером, в самый разгар моей работы, все люди, кто меня видит, думают, что я одна из самых счастливых женщин на свете. И я на некоторое время по-настоящему счастлива. «Я хорошая, за что же меня не любить? — думаю я.— И я могу быть еще лучше. Я добьюсь еще больших успехов и всеми своими успехами, всеми своими радостями поделюсь с тем, кого люблю, чтоб он мог мною гордиться, чтоб он радовался при мысли, что я...»

Поздно вечером я спешу домой. И не надо мне провожатых, даже самых лучших не надо. Я устала, пусть меня оставят в покое... А дома я кидаюсь к телефону. Гудки, пять раз длинные гудки. Неужели все спят, а он где-то гуляет? С кем?.. Трубка снята. Это он!

«Слушаю».

Холодный, строгий голос. Если я скажу: «Между нами все кончено!»,— он ответит: «Я уже давно считаю, что все кончено». Нет, пусть что угодно, только не это! И я неожиданно для себя спрашиваю бабьим визгливым голосом, совсем как у Феклы Ивановны:

«Ето магáзин?» — нарочно с ударением на втором «а».

«Набирайте номер правильно»,— холодно говорит он и бросает трубку.

...Это было вчера,— говорит она, заканчивая свой рассказ, и смотрит на меня грустными глазами.

— Послушайте, дорогая моя!— со всей искренностью восклицаю я.— Ведь вы же должны понять, вы же умная...

Она кивает головой.

— Умная. А, между прочим, дур больше любят.

— Тогда вы на меня не обижайтесь, но вы вот именно дура и есть! Придумали себе какое-то наваждение, каторгу, кабалу! Вместо того, чтобы жить полной жизнью, радоваться самой, радовать других, вы, как та баба, которая купила себе порося...

— Он не порося,— говорит она обиженно.— А я, конечно, баба. Во всем остальном я женщина, свободный, независимый человек, такой, какому позавидовать можно. А в этом... Да что говорить, разве с вами никогда так не бывало?

Бывало или не бывало, у меня не такой характер, чтобы рассказывать об этом. И я говорю твердо:

— Нет. Всегда можно договориться, выяснить. Если он не любит, будьте гордой, уйдите, выкиньте его из сердца. Ну, вот сейчас, душенька, давайте позвоните ему при мне. Все равно я уже все знаю. Ну!

Она послушно берет трубку, крутит диск. Слушает. И внезапно взглядывает на меня большими, испуганными глазами. Я понимаю: у телефона он.

— Ну! — шепотом подбадриваю я.

Лицо у нее страдальческое. Она прижимает пальцы к губам, потом кашляет и говорит в трубку мужским голосом:

— Котельная?— И опускает трубку.— Не могу.

Она ушла. Я перечитала все, что записала с ее слов. Я знаю, редактор скажет: «Не смешно».

Я и сама знаю, что не смешно. Чего уж тут смешного: перед женщиной открыты все пути, ей даны все права, чтобы быть счастливой, а она взяла и добровольно пошла в кабалу. И мучается, и страдает, и не может, и не хочет разорвать цепь, которой сама себя приковала. К кому? К чему? Может быть, действительно к бревну неотесанному, липовому или дубовому...

Но я хочу сказать совсем другое. Про кабалу. Все дело в том, что одна только эта кабала и осталась. Другой никакой нету, а эта есть. И с этим иногда ничего не поделаешь.

Английский юмор

Отец сел у камина. Дети принялись рассказывать ему по очереди о том, что хорошего они сегодня сделали.

— Я вымыла всю посуду,— сказала старшая.

— А я вытирала,— сказала вторая.

— Ну, а я ставила все на полку,— сказала третья.

Самая маленькая пропищала:

— А я только подбирала осколки.

* * *

Молодая девушка мечтательно взглянула на потолок и сказала своему собеседнику:

— Человек, за которого я выйду замуж, должен обладать всеми качествами. Он должен быть музыкален, должен уметь рассказывать новые анекдоты, петь, танцевать, не должен ни пить, ни курить и по моему приказу должен сразу замолкать.

Ее гость встал, поискал свою шляпу и, стоя на пороге, сказал:

— Вы ошиблись. Вам нужен не муж, а телевизор.

* * *

— Я не очень высокого мнения о слонах,— сказала одна муха другой.

— А почему?

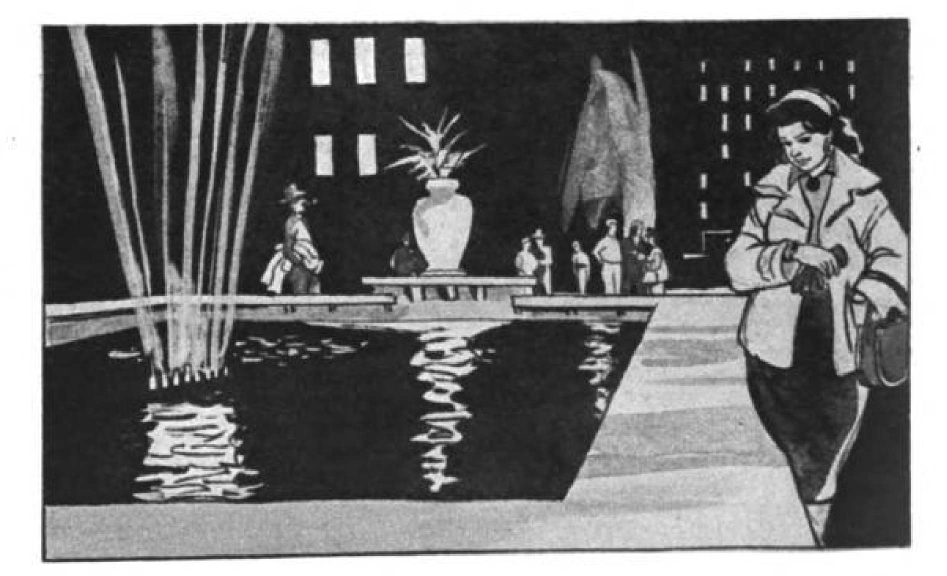
— Ну, хотя бы потому, что они не умеют ходить по потолку.

* * *

— Говорят, ты научил свою жену играть в карты?— спросил один приятель у другого.

— Да. И ты знаешь, оказывается, это замечательная штука. В прошлую субботу я отыграл половину моего жалованья, которое я ей приношу.

Перевела с английского А. ЛЕВИНА.

СРЕДИ НАС...

Стихи Сергея Швецова. *Рисунки Бориса Ефимова.*

«РАДИКАЛ»

Он не дождался одобренья
И не прослыл передовым,
Хоть воздвигал свои строенья
Лишь по проектам типовым.

С излишеством борясь жестоко,
Зашел он слишком далеко:
Стиль рококо и стиль барокко
Сменил на стиль БАРАКоко!

ЦИТАТОВЕД

В его трудах одни цитаты,
Его суждений узок круг,
Он явно метит в кандидаты
Цитатоведческих наук.

ПОКАЯШКИН

Провинившись в чем-то снова,
Позабыв о клятвах прежних,
У собранья просит слова
Вечно кающийся грешник.

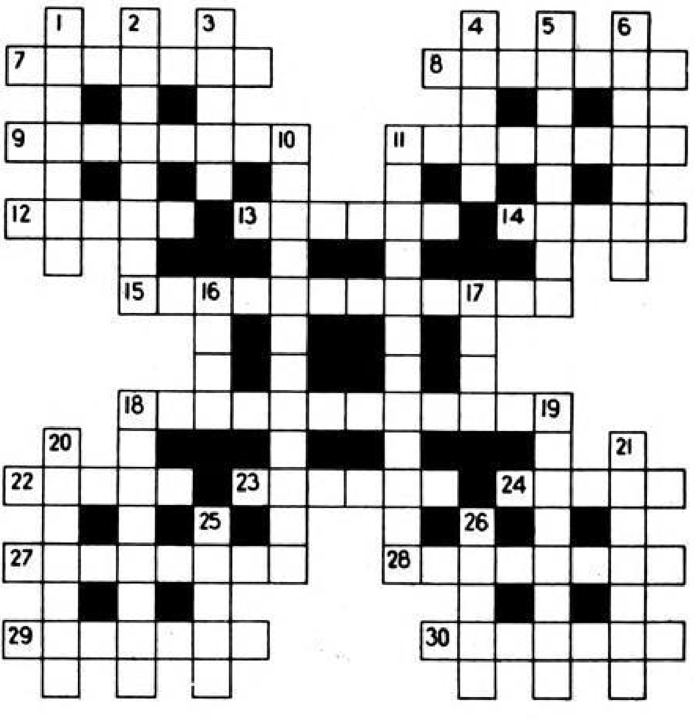
Он клеймит себя нещадно,
В грудь дубасит кулаками...
Этот тип ежедекадно
Выступает перед нами

По программе постоянной:
Обещанья, уверенья...
После речи покаянной
Дел привычных повторенье!

Рис. Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Преподаватель. 8. Курорт в Казахстане. 9. Картина В. М. Васнецова. 11. Здание на территории выставки. 12. Герой одного из рассказов М. Горького. 13. Случай, событие. 14. Первая вспашка пара, целины. 15. Построение аккордов музыкального произведения. 18. Изготовление, выработка. 22. Прибор на маяке для подачи звуковых сигналов. 23. Жнивье. 24. Покрышка. 27. Работник газеты. 28. Город в Донбассе. 29. Разновидность. 30. Название некоторых сортов слив.

По вертикали:

1. Инструмент, применяемый альпинистами. 2. Порт на Азовском море. 3. Внезапное резкое усиление. 4. Верхний слой земли. 5. Столкновение противоположных интересов. 6. Сорт апельсинов. 10. Создатель художественного произведения в момент его исполнения. 11. Результат арифметического действия. 16. Французский композитор и теоретик музыки. 17. Мелкая монета некоторых стран. 18. Первоначальный образец. 19. Представительница одного из народов СССР. 20. Сказка Н. Щедрина. 21. Один из создателей проекта, изобретения, произведения искусства. 25. Щит для экспонатов. 26. Часть печатной машины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 9

По горизонтали:

5. Лейпциг. 7. Нордкин. 9. Держава. 11. Никелин. 12. Груша. 13. Просо. 14. Умань. 17. Транспарант. 18. Впечатление. 22. Штиль. 23. Диона. 24. Смерч. 27. Лаванда. 28. Еруслан. 29. Сентимо. 30. Крейсер.

По вертикали:

1. Кендырь. 2. Кивач. 3. Гонка. 4. Пианино. 6. Парашют. 8. Доломит. 10. Аэростатика. 11. Наставление. 15. Балет. 16. Кашнс. 18. Вельвет. 19. Ермолай. 20. Столбец. 21. Траншея. 25. «Знамя». 26. Луара.

Артаксерксово действо

Семнадцатого октября 1672 года в селе Преображенском — подмосковной резиденции царя Алексея Михайловича — состоялась премьера спектакля «Артаксерксово действо». Это первая пьеса, которая была показана во вновь организованном придворном театре. Ставил ее пастор магистр Иоганн Готфрид Грегори, проживавший в Немецкой слободе. Сюжет пьесы заимствован из библии. В ней семь действий и более шестидесяти действующих лиц. Пьеса шла в специально построенной по приказу царя «Комедийной хоромине», спектакль длился десять часов.

Обо всем этом известно из документов того времени. Текст же пьесы все исследователи считали утерянным. И вот недавно он был обнаружен среди рукописей, хранившихся в Вологодском областном краеведческом музее и библиотеке. «Артаксерксово действо» передано в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина в Москве.

Научный сотрудник рукописного отдела библиотеки, кандидат филологических наук И. М. Кудрявцев, готовящий к изданию текст «Артаксерксова действа», рассказывает:

— Сейчас еще трудно сказать, кто автор пьесы. Найденная в Вологде рукопись была написана для царя. Это подтверждает его указ от 2 декабря 1674 года, в котором предлагается переплести рукопись. Найденный экземпляр написан на отличной бумаге черными и красными чернилами. Писали его семь лучших писцов, так как пьесу, вероятно, надо было переписать срочно.

Как попала рукопись в Вологду? На этот вопрос можно предположительно ответить следующее: когда любимец царя Алексея Михайловича боярин Матвеев после смерти своего патрона был сослан на север, он взял туда часть принадлежащей ему богатой библиотеки. У него, вероятно, и был царский экземпляр пьесы. Из ссылки он возвращался спешно и книги свои оставил, возможно, в Вологде или где-то около нее. Как известно, вскоре по возвращении в Москву Матвеев был убит стрельцами во время бунта.

Интересно, что второй, менее полный список (рукопись) этой же пьесы, хранящийся в Лионской библиотеке во Франции, был издан в Париже в 1954 году. За границу этот список увез, очевидно, один из участников спектакля, иностранец, возвратившийся на родину.

М. АМШИНСКИЙ

В этом номере на вкладках: две страницы репродукций картин Л. И. Бродской, четыре страницы рисунков О. Верейского и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 00747. Подп. к печ. 29/II 1956 г. Формат бум. 70 X 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. 185. Заказ 147. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

«НАС У МАМЫ МНОГО!» (см. в номере «Мать большой семьи»).

Фото Е. Тиханова.

Цена номера 3 руб.